

Алексей Евтушенко

The illustration depicts a young man with short, spiky blonde hair and a white headband. He has a serious expression and is looking slightly to the right. He is wearing a dark, layered tunic. His hands are positioned as if he is holding or adjusting a large, metallic, cylindrical object, possibly a piece of machinery or a weapon. The background is a warm, orange-red glow, suggesting a fire or a sunset. To the right, a portion of a metallic, armored figure is visible, showing a helmet and a shoulder. The overall style is that of a digital painting or comic book art.

**Крест
бессмертных**

Алексей Евтушенко
Крест бессмертных

«Автор»

2023

Евтушенко А. А.

Крест бессмертных / А. А. Евтушенко — «Автор», 2023

Алёша Попович не погиб в битве на Калке. От Ильи Муромца он получил кольцо с таинственным камнем, который наделил его ловкостью рыси, быстротой змеи, зрением орла, способностью предвидеть будущее и долгой жизнью, сравнимой с бессмертием. Теперь задача Алёши – хранить Русскую землю так же, как сотни лет её хранил Илья. Но есть другие камни, другие владельцы, и цели у них совсем другие...

© Евтушенко А. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	22
Глава третья	31
Глава четвёртая	41
Глава пятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Евтушенко

Крест бессмертных

О Русская земля! Уже ты за холмом!
«Слово о полку Игореве»

*Моему другу Николаю Дубровину, который подарил идею этой
книги, посвящается.*

© Алексей Евтушенко, 2023

Часть первая На рубеже

Пролог

– Я уже стар, Чан-чунь.

– Шестьдесят две зимы ты называешь старостью?

– Шестьдесят три, если считать луны, проведенные в утробе матери.

– Хорошо, пусть так. Это возраст мудрости, не старости.

– Мне трудно сесть на коня, сабля всё чаще скучает в ножнах, жены не радуют, как раньше, и кумыс потерял вкус.

– Ты перечислил плотские удовольствия. Мудрецу они не слишком интересны.

– Я не мудрец.

– Да, ты не мудрец. Ты владыка мира, подобных которому не рождалось на земле. Чтобы идти этим путём, нужна жизненная сила, которая выше иной мудрости. Поэтому я здесь – поучиться у тебя. Хотя тебе шестьдесят два, а мне семьдесят шесть. Или семьдесят семь, если учитывать луны в утробе матери. Да, семьдесят семь, мне нравится это число. Оно состоит из двух семерок, что делает его вдвойне магическим, – Чан-чунь тихо засмеялся, показывая крепкие желтоватые зубы, и Чингисхан почувствовал укол зависти – у даосского монаха зубов было явно больше.

Кажется, этот разговор был вчера. Но на самом деле прошло почти три года с тех пор, как Чингисхан отправил Чан-чуня домой, в Китай.

Они общались недолго, но Темучин (Великий Каган всегда помнил имя, данное ему отцом при рождении) часто вспоминал часы и дни их бесед.

Особенно теперь, когда стремительный водоворот времени ещё сузился и ускорился. Хотя, казалось бы, куда уж быстрее?

– Время похоже на воронку, водоворот, – говорил мудрый Чан-чунь и чертил палкой на песке перевернутый треугольник. – В начале жизни человек скользит по великому кругу, и движение кажется ему медленным, едва заметным. Но с годами круги сужаются, и скорость вращения возрастает. Быстрее, быстрее, ещё быстрее! До тех пор, пока воронка не переходит в узкую горловину, куда человек стремительно падает. Эта горловина и есть то, что мы называем смертью.

– И что потом?

– Опять воронка. Только перевернутая, – монах чертил под первым треугольником второй – так, что изображённая фигура напоминала песочные часы. Сначала быстро, потом всё медленнее и медленнее. До тех пор, пока круг не станет таким широким, что движение по нему будет занимать вечность.

– Это и есть бессмертие?

– Да. Это и есть бессмертие.

– Красиво. Но меня интересует эта жизнь, – Чингисхан забрал палку у собеседника и ткнул в верхнюю часть двойной воронки. – Здесь. Есть способ избежать падения в горловину?

Монах подумал, вздохнул, поднял глаза на владыку мира.

– Есть, но тебе он не подходит. Хотя учитель моего учителя, старейший из Восьми Бессмертных, великий Чжунли Цюань, прежде чем познать дао, научиться искусству врачевания и воскрешения мертвых, был боевым генералом и выиграл много сражений...

Тот путь, который предложил даос, не устроил Чингисхана. Он был слишком длинным, даже сам Чан-чунь не успевал им пройти. А главное – не соответствовал целям, которые ставил перед собой Темучин. Владение миром было для него важнее бессмертия. Последнее рассматривалось только как инструмент для достижения первого.

Мечта, – в ней было все дело.

Человек должен делать всё возможное, чтобы осуществить свою мечту. А иначе зачем жизнь и даже бессмертие?

Его империя уже превосходила по величине империю Александра Великого и даже ту, что веками строили римляне.

Но этого было мало.

Чингисхан мечтал о землях, лежащих далеко-далеко на Западе, за Русью. Только победив кичливых европейских правителей, которые мнили себя прямыми наследниками римских цезарей, создав империю, раскинувшуюся на сотни и сотни конных дневных переходов от океана до океана, можно считать, что мечта сбылась.

Но ему не хватало времени.

Человеческая жизнь слишком коротка для осуществления подобной мечты. Значит, её следует удлинить. Но как? Он перепробовал всё, до чего только может дотянуться человек, облечённый его властью и его упорством.

Безуспешно.

Эликсира вечной молодости и бессмертия не существовало, а те, кто его обещал, оказывались либо мошенниками (таковых было подавляющее большинство), либо людьми, полностью оторванными от реальности.

Первых Темучин казнил, вторых оставлял жить – пусть, в конце концов, без чудаков скучно.

Даосский монах и мудрец Чан-чунь был его последней надеждой.

– Что ж, – сказал Чан-чунь. – Есть ещё один способ, но он тоже не даёт гарантий. Для того, чтобы им воспользоваться, нужно отыскать то, что очень хорошо спрятано.

– Говори, – кивнул Чингисхан. – Если это действительно существует на земле, мои разведчики его отыщут.

В последующие дни и месяцы Темучин не раз задумывался о том, зачем монах рассказал ему о камне Чинтамани, называемом «Сокровище мира».

Боялся, что Великий Каган подвергнет его пыткам, чтобы добыть секрет бессмертия?

Вряд ли.

Чан-чунь слишком хорошо умел читать в сердцах человеческих и понимал, что Чингисхан не причинит ему зла.

Хотел поскорее отвязаться от внимания Великого Кагана и вернуться домой?

Тоже вряд ли. Желание встречи было обоюдным. Да, Чингисхану нужен был этот монах, но и монаху нужен был Чингисхан. Иначе Чан-чунь не отправился бы в свои семьдесят два в путешествие, которое продлилось четыре года. Через Китай в Монголию, а затем сквозь непроходимые леса Сибири, горы Алтая и Тянь-Шаня, – до Самарканда и далее, через афганскую землю к границам Индии, где Темучин окончательно разгромил войска неистового Джедал-ад-Дина – сына шаха Хорезма.

Четыре года – не шутки. Монах мог сказатьсь больным, сослаться на старость и дряхлость и никуда не поехать. Но ему было важно распространить влияние даосизма на владыку мира. Чингисхан читал это в его сердце точно так же, как монах читал желание бессмертия в сердце Великого Кагана. Собственно, даос этого и не скрывал.

Так почему он рассказал ему о камне?

– Говорят, камень Чинтамани попал в наш мир со звёзд и принадлежал самому Брахме. Но это легенды. В точности же известно следующее – выглядит он как чёрный кристалл, про-

низанный сетью золотых прожилок. Прожилки – границы, по которым более мелкие кристаллы соединяются в один крупный. И большой кристалл, и мелкий – всё это камни Чинтамани. Даже один мелкий камень способен дать своему владельцу невероятные силы и поистине волшебные способности.

Например, умение смотреть в прошлое и будущее, врачевать любые раны и болезни, менять свою внешность, становиться невидимым, жить так долго, что это уже можно сравнить с бессмертием.

Монах умолк, задумавшись. Чингисхан ждал. Он умел ждать. Точно так же, как и молниеносно действовать, когда это было необходимо.

– Важно понять главное, – продолжил даос. – Владение камнем Чинтамани, хоть большим, хоть малым – ещё не гарантия дара бессмертия, пророчества или любого другого. Вплоть до полной власти над миром, которую может дать большой камень. Владение – это возможность. Камень живой, он сам узнает и почувствует, что нужно человеку, а затем или даст ему это или нет.

– Сейчас угадаю, – усмехнулся Чингисхан. – Камень дает желаемое только чистым душой и сердцем, так? Хе-хе, знакомая песня.

– И да, и нет, – ответил Чан-чунь. – Кто способен оценить чистоту помыслов и души другого человека? Камень может помочь и тому, чьи желания и намерения покажутся кому-то недостаточно благородными, вредными и даже злыми, чёрными. И наоборот – всеми признанный мудрец и святой может не получить от камня ничего. Повторяю, камень выбирает сам.

– Очень удобно.

– Тем не менее, это так.

– Ты говорил о власти над миром. Её способен дать только большой камень или маленький тоже?

– Сила маленького камня меньше силы большого. Это естественно. Не всякий человек выдержит силу даже маленького камня Чинтамани, как не всякий человек способен выпить кувшин сладкого вина и сохранить трезвую голову. Что уж говорить о большом! Владеть большим камнем Чинтамани лично... – монах покачал головой. – Думаю, это невозможно. Почти божественная ответственность и почти божественная власть. Кто способен выдержать?

– Я бы рискнул, – сказал Чингисхан.

– Не сомневаюсь. Осталась сушая ерунда – найти большой камень. А затем ещё несколько мелких, которые разбрелись по миру, и восстановить целое.

Чан-чунь знал многое о «Сокровище мира». Не знал только одного – где его искать. Вероятно, горы Китая. Вероятно, тайный монастырь. Настолько тайный, что его расположение и название не известно даже ему, Чан-чуню – лучшему ученику великого даоса Ван Чуньяна.

– Говорят также, что простому смертному не дано найти дорогу в этот монастырь, – рассуждал Чан-чунь. – Якобы, стоит он на границе миров и не виден человеческому взору. Но лично я в это не верю. Граница между мирами существует, но на ней ничего не может стоять, ибо она не имеет длины и ширины, незрима и не определима. Ты либо находишься по эту сторону, либо по другую. Не верю я также, что монастырь, о котором мы говорим, и камень Чинтамани вместе с ним, сокрыты в ином мире – по ту сторону незримой границы. Будь так, смертным не было бы до него никакого дела. Взаимодействие между мирами происходит не таким примитивным образом – узнал путь, пересек границу, забрал волшебный предмет, вернулся в наш мир. Нет, это сказки для тех, кто такие сказки любит и верит им.

Монах снова умолк.

Чингисхан ждал.

– Я думаю, что и монастырь, и камень Чинтамани находятся в нашем мире, – продолжил Чан-Чунь. – Здесь. Значит, ты, Великий Каган, можешь найти туда дорогу. Вот только не знаю,

принесёт ли это желаемое. У меня нет маленького камня Чинтамани, я не умею предвидеть будущее. Но одно предсказание сделаю, если ты готов его принять.

– Говори.

– Если твоя мечта не сбудется, ты умрёшь в один год со мной.

Чингисхан захохотал.

Он смеялся долго, с наслаждением, уханьем, всхлипываньем и вытиранием слёз. Наконец, отсмеялся, отдышался, налил себе чая, отпил, вытер усы ладонью.

– Ты сумел меня не только утешить и обнадѣжить, но и развеселить, монах. Это редко кому удаётся, и я рад, что призвал тебя, а ты пришёл. Можешь отправляться домой в любое время, когда захочешь. Я дам тебе надёжную охрану, чтобы в дороге с тобой ничего не случилось.

С тех пор прошло два с лишним года. За войлочными стенами юрты Чингисхана шумела дождём осень одна тысяча двести двадцать шестого года от рождества того, кого люди на Западе называют Иисус Христос.

Его шестьдесят четвёртая осень.

Великий Каган встречал её в горах Хэланышань, в военном походе на тангутов. Сколько уже было этих походов и сколько ещё их предстоит? Повелитель мира чувствовал себя не очень хорошо. Год назад, на охоте, он упал с лошади. Сильно ушибся, долго приходил в себя, и с тех пор так и не окреп окончательно.

И уже вряд ли окрепну, думал он, кутаясь в старый тёплый халат и глядя на пляшущие языки огня в очаге. Проклятый возраст. Суставы болят, мышцы ног то и дело сводят судороги, а лёгким постоянно не хватает воздуха. Сегодня мне на четыре года меньше, чем было Чан-чуню во время нашей последней встречи. Но выгляжу я старше, чем он. Для этого даже не нужно глядеть в зеркало или садиться на коня. Достаточно вспомнить. Этот даос в свои семьдесят семь умел сидеть неподвижно, как мертвец; стоять, словно крепкое дерево и ходить, подобно ветру. Интересно, как он сейчас? Может быть, снова призвать его к себе? Не стоит, пожалуй. Наши пути слишком разные и вряд ли он расскажет мне что-то сверх того, что уже рассказал. Так что пусть живёт в своём монастыре под Пекином. Столько, сколько отмерено ему Небом.

За пологом юрты, сквозь шорох мелкого дождя слышались шаги, и знакомый голос уверенно спросил:

– У себя?

Это был Архай-Хасар, начальник его личной военной разведки. Когда-то Архай-Хасар начинал как обычный алханчи – полевой добытчик сведений о противнике. Он был очень хороший алханчи и, кроме того, обладал безупречной преданностью, блестящим организаторским способностями и, что важно – большим запасом удачи. Карьера Архай-Хасара была стремительной и неудержимой и в конце концов он получил под своё начало тысячу багатуров – отборнейших из отборных воинов личной гвардии Чингисхана.

Эти люди умели на поле боя всё и ещё столько же, а под руководством Архай-Хасара стали ещё и элитными военными разведчиками.

Лучшими в мире, как считал сам Архай-Хасар, и Чингисхан был готов с ним согласиться.

Архай-Хасар имел право входить к Чингисхану в любое время, но даже самые близкие не догадывались, почему. Даже Угэдэй, третий сын, назначенный главным наследником, считал, что особое доверие отца своему начальнику разведки связано с теми сведениями о противнике, которые Архай-Хасар добывал.

Частично это было верно. Но только сам Темучин и Архай-Хасар знали истинную причину.

– Входи! – произнёс Чингисхан и потянулся к чайнику. – Входи, Архай-Хасар! Эй, там, пропустите его!

Начальник разведки откинул полог, вошёл, упал на колени, коснувшись лбом толстой кошмы.

– Приветствую тебя, о великий. . .

– Оставь, – сказал Чингисхан. – Сколько можно. Иди сюда, налей себе чаю и докладывай.

Архай-Хасар подчинился. Он всегда подчинялся своему повелителю и в точности выполнял его приказы. Даже те, которые Великий Каган не произносил вслух. Сел напротив Чингисхана, налил чаю, сделал вежливый глоток и сказал:

– Нашёл.

– Где?

– В этих горах. Два с половиной дня пути отсюда.

– Откуда сведения?

– Мой надёжный источник. Купец. Верю ему, как себе.

– Опять купец.

– Купцы – лучшие алханчи, Великий Каган. Тебе ли не знать.

– Почему ты думаешь, это то, что мне нужно?

– Потому что купец видел камень своими глазами. Он действительно хранится в монастыре. Вовсе не таком уж и тайном, как мы думали. Да, найти его тяжело, но можно. Монастырь пещерный, прячется в стороне от дорог, но тропы туда ведут. Сам камень – глубоко под землёй, в пещере, путь к которой известен только монахам. Да и то не всем.

– Как твоему купцу дали увидеть камень?

– Ему не давали, он увидел случайно. Сорвался в горах с тропы и сильно разбился. Чуть не насмерть. Но он вёз монахам важную вещь, и те его спасли. Как он говорит, с помощью этого камня. Камень его вылечил. Кости срослись за шесть дней, и нутро перестало болеть. Монахи думали, что он в беспамятстве, но он пришёл в себя ненадолго и видел. Соответствует описанию, которое нам дали. Чёрный, как смола, весь в золотых прожилках. Величиной с голову месячного жеребёнка и формой похож. В нескольких местах – выемки, окаймлённые золотыми нитями. Как будто кто-то отломил куски и не вернул на место. Купец сделал вид, что ничего не заметил, а сами монахи не знали, что он слышал о камне раньше. Иначе его могли и не выпустить из монастыря живым.

– Какую важную вещь вёз купец монахам?

– Греческую машину для расчетов движения планет и звёзд. Из самого Константинополя.

– Хм. Возможно, такая машина нашим звездочетам тоже пригодится?

– Не сомневаюсь в этом.

– Хорошо. Где сейчас купец?

– Досадная случайность, Великий Каган. Внезапный камнепад в горах. Не успел выско-
чить. Вместе с ним погиб его раб, который тоже был в монастыре.

Короткой встречи их глаз хватило Чингисхану, чтобы всё понять.

– Два с половиной дня пути? – уточнил он.

– Много – три, – подтвердил Архай-Хасар.

– Сотни твоих лучших богатуров нам хватит?

– Это твои богатуры, Великий Каган. Но я бы, если позволишь, взял две сотни. Монахов не много и вряд ли они окажут серьёзное сопротивление, но. . .

– Богатуров мало не бывает, – сказал Чингисхан.

– Богатуров мало не бывает, – повторил Архай-Хасар. – Я бы даже взял три сотни, но это замедлит продвижение.

– Хорошо, бери две.

Чингисхан поднял голову и посмотрел на тооно – дымовое отверстие в юрте. Подобно циферблату часов, оно было разделено на двенадцать частей, чтобы в ясный день по движению солнца и тени можно было определить время.

Дождь прекратился, выглянуло солнце, и Темучин увидел, что час Зайца остался позади и начался час Дракона. Значит, до часа Лошади – полудня – ещё далеко.

– Выступаем через один цаг¹, – сказал он.

– Слушаюсь, – Архай-Хасар поднялся. – Разреши удалиться, Великий Каган.

– Ступай.

Полог откинулся и опустился. Чингисхан встал и прошёлся по юрте, прислушиваясь к себе. Сердце билось ровно и сильно. Ноги пружинили. Тело просилось в поход, как в молодости, когда оно не знало усталости.

Хорошие новости окрыляют, подумал Чингисхан. Что ж, воспользуемся этими крыльями. И будь, что будет.

Он скинул халат, повёл плечами, разминаясь, и трижды позвонил в небольшой бронзовый колокол у входа, призывая секретаря.

Через час отряд из двухсот двух всадников на рысях покинул расположение монгольского лагеря. Ещё через час он свернул с основной дороги на тропу и вскоре исчез за ближайшим поворотом.

---

¹ Единица измерения времени у монголов, равен двум часам.

Глава первая

Сжимая в руках биту, Лёшка прикинул расположение «противника».

Трое друзей-приятелей замерли в десяти-двенадцати шагах. Босые ноги полусогнуты, руки в цыпках и царапинах расставлены, глаза прищурены.

Лёшка положил биту на плечо.

– Давай уже, бей! – крикнул Акимка по прозвищу Тороп – самый младший и маленький из всех.

Лёшка быстро опустил биту к «гнезду» и сделал движение, как будто подбрасывает «чижа». Но не подбросил – бита прошла выше, «чиж» остался лежать поперёк «гнезда».

Акимка и Милован дёрнулись. Ждан остался на месте. Он хорошо знал друга и не поддался на уловку. Акимка и Милован знали его не хуже, но им не хватало терпения и хладнокровия. Ждану хватало.

Ну ничего.

Следующим движением Лёшка легко подбросил «чижа» в воздух.

– Лови птичку! – крикнул он и резким ударом биты послал короткую деревянную палочку, заострённую с обеих концов, в сторону троих друзей.

«Чиж», крутясь, взмыл в летнее рязанское небо.

Из проулка за игровым полем вышли шестеро.

Лёшка сразу их узнал – Завид, сын купца Сбыни, с компанией.

Завид был старше Лёшки на два года, выше на голову и славился тем, что любил обижать младших. Просто так, чтобы показать, что он это может. Но то бы ладно, дело обычное, на то и старшие, чтобы помыкать младшими. Хуже другое. Поговаривали, что Завид живодёр и ему поймать и замучить до смерти чужого котенка – всё равно, что иному сладкий пряник умять. Желанное удовольствие. Таких не любили. А Завида ещё и боялись, потому что был он сильный и наглый.

К тому же не ходил один – всегда его окружала ватага прихлебателей.

Завид остановился.

«Чиж» уже миновал высшую точку и опускался к земле.

Лёшка видел, что Милован и Ждан не успевают его поймать. А вот Акимка мог. Он с самого начала стоял дальше и в нужном направлении, и теперь бежал, повернув светло-русую голову и не отводя глаз от «чижа». Ещё чуть-чуть, каких-то два шага...

Завид мог отступить в сторону, но вместо этого поднял руку, поймал «чижа» и одновременно выставил перед собой другую руку.

Не ладонью – кулаком.

Лёшка, Ждан и Милован прекрасно всё видели. Не видел только Акимка, который в следующий миг налетел на кулак лицом.

Глухой удар, вскрик, и вот уже Акимка сидит в пыли и держится за щеку. Ватага хохочет, Завид откровенно и нагло ухмыляется.

– Ты что? – Акимка поднялся. Он ещё не плачет, но Лёшка по голосу слышит, что тот держится из последних сил. Ему не столько больно (и не такое случается в лихих мальчишеских играх), сколько обидно. – За что?

– Чуть не врезался в меня, недоносок, – пренебрежительно ответил Завид. – Гляделки дома забыл? В следующий раз будешь смотреть, куда прёшь. Ещё и спасибо скажешь за науку. Ну-ка, скажи.

Акимка упрямо сжал задрожавшие было губы. Все знали, что родился он недоношенным и едва выжил. Отсюда Тороп – торопился на этот свет, а имя Аким дано ему было при крещении.

Не выпуская из рук биты, Лёшка уже шёл к Завиду.

Милован со Жданом переглянулись. Они тоже всё поняли и одновременно шагнули ближе к Акимке. Четверо против шестерых. Даже три с половиной, если учесть, что Акимке только восемь лет. Лёшке, Ждану и Миловану – по десять. Завиду – двенадцать. Его дружкам-прихлебателям – от девяти до одиннадцати.

Силы явно неравны.

До сего дня им как-то удавалось избежать прямого столкновения с Завидом и его ватагой, но любое везение когда-нибудь заканчивается.

– Спасибо, – пояснил Завид. – Скажи: «Спасибо, дяденька Завид. Буду теперь смотреть, куда пружу». Повтори.

Сейчас Акимка точно заплачет, подумал Лёшка. И тогда всё станет ещё хуже.

– Эй, Завид, – сказал он, подходя. – Отдай-ка мне «чижа». Он не твой.

– Ой, Завид, – передразнил Завид. – Отдай-ка мне «чижа». А то что, Попович? Что будет, коли не отдам?

Прозвище Попович прилипло к Лёшке с тех времён, когда его мать, Любава, была замужем за его отцом – рязанским попом Леонтием. Два с лишним года назад, весной, Леонтий провалился под лёд на Оке, возвращаясь домой из ближайшего большого села, куда его позвали на отпевание, поскольку местный поп, накануне перебрав хмельного, свалился с лестницы, ведущей на колокольню, шибко ударился головой и не мог самостоятельно подняться с лавки.

На берег Леонтию выбраться удалось, но застудился батюшка крепко и умер от горячки через полторы седмицы – не помогли ни молитвы, ни медвежье сало, ни горячее молоко с мёдом.

С тех пор Лёшка и две его младшие сестры – Иванка и Богдана росли без отца.

Семья особо не бедствовала – поп Леонтий, хоть и служил Богу исправно и заповедь «Возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе» не забывал, но и пословицу «на Бога надейся, а сам не плошай» тоже помнил, а посему после его смерти нашлось вдове чем детей прокормить.

Да и сама она была искусной вышивальщицей, без дела не сидела, понёвы, рубахи и пояса с её вышивкой раскупались влёт на городском торжище не только в Рязани, но и на ярмарках в Муроме, Владимире, Суздале. Рассказывали даже, что видели их в набирающей людей, силу и славу Москве.

Ну и огород, понятно, выручал, как выручал он всегда и всех русских людей. Про речку с рыбой и леса с летними грибами-ягодами и речи нет.

Не бедствовала-то не бедствовала, но мужской руки и мужского веского слова в доме не хватало. С дочерьми мать ещё как-то управлялась, да и были они по характеру спокойными, удобными в воспитании. Не то – Лёшка. Нравом, статью и повадкой, как говорили, пошёл он в покойного прадеда по матери, носившего имя Незван – человека горячего, ловкого и заводного.

«За словом в карман не полезу, охочую до ласки девку не пропущу и всегда готов на веселое дело и чашу с мёдом» – так, по рассказам матери, любил хвастаться Незван (особенно подвыпив), и хвастался не зря, хоть и было ему уже хорошо за семь десятков лет!

– Больно будет, – сказал Лёшка. – Он принял решение и теперь прислушивался как начинает бурлить в крови весёлая бесшабашная отвага – всегдашняя спутница его мальчишеских выходов, забав и драк.

– Нарываешься, Попович?

– Ага. Хочу посмотреть, против кого ты молодец, а против кого овца.

– Это я овца?

– Сам признался, – обидно рассмеялся Лёшка. – Овца, дурная с лица. Шерстью богата, да жаль умом коротковата!

Тут не выдержали и рассмеялись Ждан с Милованом и даже мелкий Акимка.

Этого уже Завид стерпеть не смог. Бросил «чижа» на землю и попытался сгрести Лёшку за грудки. Лёшка отшвырнул его руку и тупым концом биты резко сунул Завиду «под ложечку».

Не совсем честно, поскольку Завид шёл на него с голыми руками, но был он старше, выше ростом и гораздо сильнее. «Ты, конечно, можешь подставить врагу другую щёку, – учил его когда-то отец. – Ежели стремишься к святости. Более того – твёрдо считаешь достичь оной. А нет – бей в ответ. Да так, чтобы обидчик не поднялся. Грех твой Бог простит на исповеди, зато сам цел останешься, а обидчик вдругорядь подумает, прежде чем тебя тронуть».

Поп Леонтий имел свой особый взгляд на вещи, включая отношения с Богом, и сына воспитывал соответственно.

Прихожане его тоже любили. В особенности те, кто смирение не считал своей главной добродетелью.

Завид хекнул, но не остановился, а размахнулся и со всей дури врезал Лёшке кулаком по уху.

Хотел врезать.

Лёшка предугадал и увидел этот удар, нырнул под руку противника и, когда чужой кулак пролетел над его головой, уронил биты на землю и коротко, без замаха, врезал в ответ.

Тоже кулаком.

В горло.

Быстро и точно.

Завид остановился, качнулся. Захрипел, стараясь вдохнуть воздух, который почему-то никак не хотел входить в лёгкие. Ухватился правой рукой за горло. Левая при этом производила какие-то беспорядочные, словно не зависящие от воли хозяина, движения. В глазах Завида, только что полных опасной угрозы, теперь плескался неприкрытый панический страх.

– П-х-хгы-хх, – выдавил он. Затем краска волной прилила к его лицу, и Завид повалился на землю. – Х-хх-хр-р.

– Чего хочешь? – Лёшка участливо наклонился над поверженным врагом. – Ещё? Как по мне, тебе хватит. Но если очень хочется, то могу добавить. По старой дружбе. Добавить? – он поднял кулак.

Завид отрицательно замотал головой. Он уже дышал. Кое-как, со свистящим хрипом, но дышал.

– Вот и лады. Живи покуда.

Лёшка выпрямился, огляделся. Прихлебатели Завида растерянно топтались неподалёку.

Вожак был повержен в честной драке один на один, и теперь их стало пятеро против четверых. Очень решительно настроенных четверых. Возглавляемых Алёшкой Поповичем, который только что одним ловким ударом свалил Завида.

Да ещё как свалил!

За малым жизни не лишил. Не, ну его к псам блохастым такие расклады. Опять же, всё по неписанному закону мальчишеских ватаг – проиграл вожак, проиграла и ватага.

Ничего, в следующий раз рассчитаемся.

– Что стоите? – осведомился насмешливо Лёшка, уперев руки в бока. – Забирайте свою овцу и валите отсюда, пока при памяти и ветер без камней.

Через несколько минут ватага, поддерживая всё ещё хекающего Завида под руки, исчезла в проулке.

Лёшка наклонился, подобрал биты. Акимка поднял «чижа». Играть дальше расхотелось.

– Может на речку? – предложил Ждан. – Искупаемся.

– Без меня, – сказал Лёшка. – Я ещё мамке обещал в огороде помочь. Пока, робя.

Они пожали друг другу руки, как взрослые. Лёшка повернулся и пошёл. Друзья провожали его глазами.

– Лёш! – позвал Акимка.

Лёшка обернулся.

– Спасибо тебе!

Лёшка махнул рукой, улыбнулся и скрылся за поворотом. На дворе стояло лето шесть тысяч семьсот тринадцатого года от Сотворения мира или, если считать от Рождества Христова, одна тысяча двести шестого.

Дома Лёшка застал мать и какого-то незнакомого высокого и худого дядьку.

Дядька сидел за столом и хлебал из глиняной миски вчерашний куриный суп (Лёшка сразу учуял запах супа, как только вошёл в сени), мать возилась у печи.

Тёмно-русые волосы незнакомца, его усы и борода были наполовину седыми. Однако худое лицо с длинным носом и зеленоватыми ясными глазами не выглядело старым, хотя высокий лоб пересекали морщины, а от левой брови через всю щёку, теряясь в бороде, шёл кривоватый рваный шрам. В левой руке – шуйце – устроилась деревянная ложка, которой дядька ловко орудовал. А правая – десница – у него вовсе отсутствовала, – по локоть пустой рукав льняной рубахи был заправлен за пояс.

– Доброго здоровья! – сказал Лёшка и поклонился, быстро зыркнув глазами по горнице. Он тут же заметил червлёный каплевидный щит княжьего дружинника в углу, сложенную на лавке кольчугу, лежащую поверх неё тяжёлую саблю в ножнах и острове́рхий шелом с наносником.

Всё это воинское богатство выглядело не новым, изрядно послужившим своему хозяину во многих передрягах, но было в добром состоянии. Хоть сейчас облачайся, подпоясывайся – и в поход.

«А где же конь? – подумал Лёшка. – Он что же, пешком пришёл?»

– Здравствуй, Алексей свет Леонтьевич, – незнакомец улыбнулся, показав нехватку двух зубов вверху с левой стороны. – Ого, как вырос. Не узнать! Думаешь, наверное, где мой конь, раз такое оружие да кольчуга с шеломом на лавке? Продал я его, старый уже был. Ничего, нового купим. А, как мыслишь, Любава?

– Будет нужен – купим, – ответила мама. – Отчего не купить? Если заработаешь.

Незнакомец весело рассмеялся.

Лёшке его смех пришёлся по душе. Смех был искренним, открытым. Так смеются добрые люди.

– Познакомься, Алёшенька, – сказала мать. – Это вуй² твой троюродный, Горазд. Помнишь, я тебе рассказывала?

– Вуйко Горазд! – воскликнул Лёшка. – Помню! Ты мамкин брат троюродный, порубежник, на заставе служишь!

– Служил, Алёша, служил, – дядька покосился о пустой рукав. – Но ничего. Повоюем ещё.

– Хватит, навоевался, – сказала мама. – Давай-ка просто поживи. Алёша, руки мыл? Зови сестёр, они в огороде, мойте руки и снестать, пока суп горячий. Второй раз собирать на стол не стану.

Горазд остался жить у них. Из его скупых рассказов Алёша узнал, что семья дружинника – жена и двое детишек – погибли при крупном набеге половцев прошедшей весной.

– Никто не ждал, что поганых будет столько. Лазутчики наши обманулись. Бывает. Но нам эта ошибка стоила дорого – в сече на границе полегла вся застава, там я и руку потерял. Хорошо хоть от природы левша – шуйца у меня за главную руку, – он невесело усмехнулся. – Вместе с рукой и семью. Спалил враг наш городок дотла, кого не убили – в полон забрали. Жаль, не моих – выкупил бы. Да, жаль...

Потом баяли, что это была месть за наш поход, что год назад случился. Слыхал о нём?

---

² Брат матери.

– Слышал, – кивнул Алёшка. Да и кто из рязанских мальчишек, грезивших битвами, походами и воинской славой не слышал!

В прошлом шесть тысяч семьсот двенадцатом году, в апреле месяце, когда земля подсохла после весенней распутицы, незадолго до страстной седмицы, рязанский князь Роман Глебович собрал дружину и неожиданно для всех, в одиночку, двинулся на половцев. Это было дерзко, поскольку сил у князя для такого похода явно недоставало.

Однако, затея удалась.

Как раз потому, что случилась для всех неожиданно, князь ни у кого не просил помощи, сам поход задумал и осуществил. А то, что неожиданно для друзей, будет таким же и для врагов. Хотя какие у князей русских друзья – одни союзники временные, готовые предать в любой момент и перевернуться на другую сторону ради сиюминутной выгоды...

Междоусобица гуляет вольно по Руси, льёт кровь людскую, как водицу, и не видно ей ни конца, ни края.

Но бывают и светлые моменты. Как этот поход князя. Посекли крепко степняков, взяли знатную добычу – оружие, ткани, табуны коней, гурты волов, отары овец. Самое важное – освободили сотни христианских душ, которые томились в половецком плену.

– И как раз на страстную седмицу, в Великую среду! – рассказывал Горазд. – Не иначе Господь помог вместе с Пресвятой Богородицей – уж больно удачно да ловко всё вышло. Так наш поп дружинный говорил, про помощь Господа с Богородицей. Я там был, самолично на тот свет не одного поганого отправил. Весело сходили, чего уж. Вот и вернулось нам веселье это через год, – он опустил голову, задумался. Поднял, сверкнул глазами:

– Если Бог за нас, где он был, когда поганые этой весной мою жену и детей убивали? Вот что я спросить хочу.

– Бог здесь ни при чём, – сказала мама. – Не надо его гневить. Он, что ли, виноват, что русские с половцами режут друг друга? Горше того – те же князья наши то и дело зовут поганых на помощь против своих же братьев. Да ещё и роднятся с ними. Это как, по-божески? Богородица одобряет?

Мама Алёши Любава всегда отличалась нравом свободным, ни от кого не зависела и говорила, что думала.

Она и с собственным мужем Леонтием, бывало, спорила, в нарушение апостольских наставлений, что уж о брате троюродном говорить!

Алёшка сидел тут же на лавке, слушал эти разговоры, на ус, ещё не выросший, мотал. Его не гнали – и мать, и Горазд считали, что мальчишке это полезно. Пусть знает, в каком мире живёт. Особенно, если сам хочет, как подрастёт, в княжью дружину проситься.

Алёшка хотел. Горазд стал для него примером. Бывший порубежник хоть и потерял семью и руку на княжьей службе, нравом не озлобился, к Алёшке и сестрам относился словно хороший отец – со строгой любовью. Мог и пошутить, и байку страшную или веселую рассказать и посмотреть в случае нужды так, что лучше бы накричал, а то и ударил. Но – нет, не бил никогда. Хотя и мог бы по праву, когда стал Алёшке и сёстрам отчимом.

Произошло это осенью, в начале месяца руеня³. На следующий день после того, как Алёше исполнилось полных одиннадцать лет, то есть седьмого числа. Любава, немного смущаясь, собрала детей и в присутствии Горазда рассказала, что тот позвал её замуж.

– Горазд мне люб, мы хорошо друг другу знаем, с детства, а сейчас ещё лучше узнали, когда он здесь, у нас, пожил. Спрашиваю вас, хотите себе такого батьку? Будете против, не пойду за него, пожалею вас. Но лучше, ежели бы вы нас с Гораздом пожалели. Больше нам Господь такого случая не представит.

---

³ Октября.

Иванка и Богдана – сёстры погодки, похожие друг на дружку, словно близняшки, быстро и радостно переглянулись, а затем уставились на брата – с тревожным ожиданием.

Ага, догадался Алёша совсем по-взрослому. Давно уже всё поняли, обсудили между собой, пигалицы, и решили. Рады. Теперь опасаются, как бы братец старший рогами не упёрся. Покладистым да стговорчивым никто его до сей поры не называл, что в голову взбрédёт да на сердце взиграет – непонятно. Потому и боялись мне говорить заранее. Эх, что с ними делать... Поласковее, что ли быть впредь? Да я, вроде, и так их не гоняю особо, люблю даже. По-своему.

Он нахмурился, зыркнул сердито и даже зло из-под насупленных бровей. Сестрички едва слышно охнули, прижались друг у другу.

– Алёшенька... – растерянно промолвила мама.

Лёшка разгладил лицо, весело рассмеялся.

– Испугались? То-то. Всё хорошо, мама, Горазд. Шучу я. Совет да любовь, что ещё сказать. Теперь мы не сироты. Да, Иванка, Богдана?

– Не сироты!! – вскрикнули сестрички радостно. – Не сироты!

И бросились со всеми обниматься.

Потекло, забурлило, поскакало времечко, словно могучий Днепр летом на порогах. Алёшка этого не видел никогда – Горазд рассказывал.

– Ни на лодьях, ни на плотах там не пройти. Весной, когда вода высокая, ещё можно – вдоль правого берега. Да и то не всегда. Летом же или осенью – даже не думай.

– А как тогда? – спрашивал Лёшка, любопытный до всего, что касалось воинского или походного дела.

– Лодьи – носом в берег, разгрузили, вытянули и потащили. Оружие и груз отдельно, лодьи – отдельно.

– На руках?!

– На плечах. Когда все разом за дело берутся, гору своротить можно, не то что лодью перенести.

Много о чём рассказывал Горазд и научил Лёшку многому. Сабельному и ножевому бою в первую очередь:

– Меч – он больше для тяжёлых и телом могучих, у кого силы немеряно, а ты – лёгкий, быстрый, ловкий. Пока сильный мечом замахнётся, ты два раза ударишь и в сторону отскочишь – попробуй достань тебя.

Как щит носить в походе и держать в бою; с копьём управляться; из лука бить точно и быстро:

– Не целься, Алёшка, по наитию бей. Глаз увидел, рывком тетиву к уху натянул, стрелу пустил. Не рукой пустил – сердцем. В сердце – жажда врага убить должна плескаться. Он на твою землю пришёл, хочет сжить со света и тебя самого и всех, кто тебе дорог – мать, сестёр, друзей, родню – всех. Кого не сжить – в полон забрать навеки, а город твой сжечь. Поэтому ты должен убить его раньше.

– Как же в Писании сказано, что нужно возлюбить врагов своих?

– Хм... Вот Завид, про которого ты мне говорил. Ты можешь его возлюбить?

– Это вряд ли, – мотал русой головой Лёшка.

– Видишь. Так это Завид, такой же, как и ты русич, рязанец, свой, можно сказать, христианская душа. А что говорить о поганых? Непросто это всё. Я мыслю так. Возлюби, если сможешь. Но тут же и убей.

– Как это? – не понял Лёшка.

– Саблей, мечом, ножом засапожным, копьём, стрелой – чем сможешь, тем и убей. А не сможешь – иди в монахи и попробуй стать отшельником, святым. Есть такие, не от мира сего. Но с них и спрос иной. Хочешь в монахи?

– Не, не хочу. Я хоть и Попович и в Бога верую, но хочу быть, как ты – порубежником. Защищать Русь и князю служить.

– Князей много на Руси, – вздыхал Горазд, – и у каждого дружина. Ты какому служить собираешься?

Вопрос был трудный. К тому времени старый рязанский князь Роман Глебович, которому служил сам Горазд, был брошен в темницу по обвинению в измене Великому князю Всеволоду Юрьевичу, прозванному в народе Большое Гнездо.

У Всеволода Юрьевича был большой и старый зуб на Рязань и рязанцев.

Тридцать лет назад рязанский князь Глеб Ростиславович ходил на Всеволода походом и даже сумел сжечь Москву. Потерпел в конце концов поражение, был посажен в темницу во Владимире, где и умер вскоре, но Всеволод своеволия рязанцев не забыл, не простил и всегда был готов применить к ним силу. Двадцать два года назад он уже приводил княжество к покорности, и теперь, по слухам, собирался сделать то же самое, посадив наместником на рязанский стол сына Ярослава, которому на ту пору едва минуло восемнадцать лет. И посадил!

Надо ли говорить, что рязанцы были весьма недовольны таким поворотом дел и, хотя целовали Ярославу крест, про себя обещали юному отпрыску Всеволода недолгое и нерадостное правление.

Назревал бунт.

Без сомнения, Великому князю настроения рязанцев были известны.

– Главному, – отвечал Алёшка важно. – Если служить, то главному князю.

– Сегодня главный – Всеволод Юрьевич. Завтра он явится со своими войми под рязанские стены, и мы ничего ему противопоставить не сможем. Что делать будешь?

– Я маленький ещё, – хитрил Алёшка. – Что я могу? Опять же в Писании сказано, что нет власти не от Бога. А ты бы что сделал?

– Ты маленький, я без руки, – вздыхал Горазд. – И хотел бы, да отвоевался.

– А была бы рука? Пошёл бы против Всеволода?

– Будь в городе князь Роман Глебович и прикажи он – пошёл бы. Воин обязан исполнять приказы начальства. Иначе он не воин, и место ему не в строю, а в шайке разбойничьей.

– Странно всё это, – рассуждал Алёшка по-взрослому. – На словах все хотят, чтобы русская земля единой была и сильной, а на деле выходит совсем другое. Не понимаю, как Бог это попускает?

– Этого я тебе объяснить не могу, – говорил Горазд. – Но точно знаю, что русскому человеку без Бога никак нельзя. Кроме него некому нашу натуру в узде держать. Да и у него не всегда выходит. Ох, не всегда...

– А что не так с нашей русской натурой?

– На себя оборотись, и всё сразу поймешь, – усмехался Горазд. – Кто наемни верёвку поперёк тропки в отхожее место натянул так, что сосед грохнулся по темноте и нос себе расквасил? Я тебя для этого сам-узел вязать учил?

– Он собаку нашу, Пушка, ногой ударил, когда думал, что его никто не видит. Просто так, Пушок даже не лаял на него. Что ему теперь, спасибо сказать и в ножки поклониться?

– Мне нужно было сказать.

– И что бы ты сделал? Ты же не видел, как он Пушка пинал. А моё слово против его пустое считай, не стоит ничего.

– Ох, Лёшка, Лёшка, – вздыхал Горазд. – Трудно тебе с таким нравом в жизни будет.

– Ничего, как-нибудь, – подмигивал Лёшка. – Я хоть силой не силен, да напуском смел!

– О как сказал! – удивлялся Горазд. – Сам придумал?

– Не, сорока на хвосте принесла, во двор скинула, а я подобрал. Теперь пользуюсь.

Горазд качал головой, смеялся, Лёшка подхватывал. Так и жили – не тужили.

Недолго, однако. Алёшке и тринадцати лет не исполнилось, когда в городе ударил набат и вспыхнул бунт. Рязанцы, подстрекаемые боярами и специально обученными людьми, коим было хорошо заплачено, похватали княжьих людей, заковали их в цепи, а некоторых и вовсе до смерти убили, закопав в землю по шею. Ярослав с небольшим отрядом верных суздальцев удалось вырваться из западни и уйти к отцу.

Вскоре великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо встал с войском под стенами Рязани и объявил, что пришло время поступать ему по-плохому, ежели по-хорошему рязанцы не желают. Впрочем, всё обошлось не так уж и плохо. В том смысле, что могло быть (и бывало!) гораздо хуже.

Казнил великий князь только некоторых бояр – явных и несомненных бунтовщиков и зачинщиков. Остальным велел на скорую руку собрать домашний скарб, запрягать подводы и убираться из города по родне – близкой и дальней – во владимирско-суздальской земле. Тут недалеко. Нет родни? Пристраивайтесь, где можете, препон чинить не станем. Что, не по правде? А против великого князя бунтовать – это по правде? Возомнили о себе. Вот из-за таких, как вы и нет на Руси единства, и терзает её всяк, кому не лень, едва отбиваться поспеваем. Боюсь, не за горами тот день, когда не поспеем... Ничего. Будете себя правильно вести – разрешу вернуться через годик-другой.

Вот так и оставила семья Алёшки Поповича родной дом, который, как и весь город, вскоре запылал, подождённый факелами княжьих дружинников. Сжёг Всеволод Большое Гнездо Рязань. Пусть без людей, пустую, но сжёг.

Десяток подвод, запряженных волами, тянулись на полночь.

Дорога вела в Муром, оттуда – во Владимир, Суздаль, Юрьев. Любава с Гораздом решили осесть в Юрьеве. Там жила родня Горазда по матери (с Любовью у Горазда были общие предки по отцовской линии – прабабка с прадедом, чьи сын и дочь, соответственно, являлись дедом Горазда и бабкой Любавы).

– Примут нас, не беспокойся, – убеждал Горазд. – Чай, родня. Я, правда, давно там не был, жизнь закрутила, служба, походы, но помню всех с детства. И они меня помнить должны. А и не вспомнят – не пропадем. Мир не без добрых людей.

– Да я и не беспокоюсь, Горазд, – улыбалась Любава. – С чего мне беспокоиться? У меня муж и сын есть. Мужчины. Защитят, ежели что.

– Защитили уже, – бормотал Горазд, невольно оборачиваясь через плечо, где за горизонтом остались чёрные, тянущиеся к небу, дымы горящей Рязани.

– Сила солону ломит, – пожимала красивыми плечами Любава. – Не всё человеку подвластно.

– Будет надо, мама, я жизни своей не пожалею, чтобы тебя и сестёр защитить, – заявлял Алёшка.

Он испытывал странные чувства. С одной стороны, ему было стыдно, что взрослые так легко отдали родной город Всеволоду на сожжение, а с другой он даже своим ребячьим разумом понимал, что бунтовать против князя, которому целовали крест – не дело.

– Зачем тогда целовали? – спрашивал он Горазда.

– Подрастешь – поймешь, – отвечал бывший княжий дружинник и трепал Лёшку по русой голове. – Помни одно. Князья приходят и уходят, а земля русская, как была, так и останется вовек. Нет такой силы, чтобы убить Русь.

– Почему? Заговоренная она, что ли?

– И заговоренная тоже.

– Да ладно. Расскажи!

– Про Илью Муромца слышал?

– Кто ж не слышал. Был такой храбр, ещё князю Владимиру Красное Солнышко служил, оборонял Русь от поганых.

– Не был. Есть.

– Как это?

– Говорят, Илья Муромец по сей день жив. И пока он жив, Русь будет стоять.

Алёшка смотрел на Горазда во все глаза. По лицу дружинника было не понять – всерьёз тот говорит или сказку бает, чтобы как-то развлечься в дальней и скучной дороге.

– Не бывает так, – говорил Алёшка, хотя уверенности в его голосе не чувствовалось. – Не живут столько люди. Даже храбры. Князь Владимир Красное Солнышко эвон когда правил в Киеве!

– Две сотни лет тому, – уточнил Горазд.

Разговаривали они, в основном, по вечерам, у костра, когда путники после ужина готовились ко сну. Самое время для историй. Хоть былей, хоть небылиц.

Вот и сейчас. Уснули сестрёнки-погодки, сморенные усталостью и сытной едой. Зевают мама, деликатно прикрывая рот рукой. Её рассказы мужа не слишком интересны – довести бы семью целой и невредимой до места, чтобы никто не заболел, не потерялся. Помогите, Господи и ты, Пресвятая Богородица с ангелом-хранителем, защитите нас, грешных, в дороге, спасите и помилуйте, отведите беду, не дайте пропасть. И вы, чумакая русская сила, – лешие, водяные, русалки и мавки, духи лесные, не троньте нас, пропустите через свои владения, дайте путь прямоезжий и спокойный.

Примерно так молилась про себя Любава. Знала, что неправильно это, покойный муж поп Леонтий учил, что все эти лешие, русалки и домовые ни что иное как бесы, просить которых ни о чём нельзя – грех это большой. Да и обманут. Потому как подчиняются напрямую Сатане, который, как известно, сам лжец и отец лжи. Так в Писании сказано. Знала, а всё равно мысленно обращалась. Ибо Бог далеко, а эти – вот они, рядышком испокон века живут. За каждой печью в доме, в каждом лесу и перелеске, речке, болоте да озере, коих на Руси не счесть. Наши предки с ними знали, помощи у них искали, и нам не след их сторониться. Грех? Отмолю. Не согрешишь – не покаешься, а не покаешься – не спасёшься. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную. Любава крестилась двуперстно, ложилась спать.

– Не сидите долго, полуночники, – бормотала сквозь стремительно наплывающий сон. – Завтра рано вставать...

– Спи, спи, Любавушка, – ласково отвечал Горазд. – Спокойной ночи, мы скоро.

– Видишь! – громким шёпотом восклицал Алёшка. – Две сотни лет!

– Ты же Библию читал, говоришь.

– Тятя читал, вслух. Я не всю, Евангелия только.

– Ладно, Евангелия. Симеона Богоприимца помнишь, в Евангелии от Луки?

– Помню. Он младенца Христа на руках держал.

– Правильно. Знаешь, сколько ему на тот момент было?

Алёшка молчал.

– Триста лет и ещё шестьдесят, так предание гласит. Аврааму было сто семьдесят пять лет, когда он умер. Ной, праотец наш, девятьсот пятьдесят лет прожил на свете. Его дед, Мафусаил, ещё дольше. Дальше называть?

– Так-то оно так, – чесал в затылке Алёшка. – А всё же как-то не верится. На сказку больше похоже.

– Я тебя верить не заставляю, говорю то, о чём сам слышал. Причём от тех людей, которые просто так языком трепать не станут. Жив Илья. Есть у него камень заветный, от тайных мудрецов полученный, которые далеко на восходе солнца живут. Этот камень даёт ему долгую жизнь.

– Бессмертие?

– Не ведаю. Вряд ли, не бывает бессмертных, даже Ной с Мафусаилом умерли. Но долгую. Очень.

– А ты сам видал Илью?

– Нет, – отвечал Горазд. – А если и видал, то как узнать, что это он? Говорят, он умеет менять облик и всякий раз, спустя долгие годы, постарев, куда-то уходит, а затем снова является уже как бы другим человеком. Но на самом деле это всегда он – Илья.

– Силушку, значит, Илья от калик перехожих получил и от Святогора, волшебный камень, который почти бессмертным делает, от тайных мудрецов... Повезло храбру, – ухмылялся Алёшка. – Мне б такое везение, я бы горя не знал!

– Не болтай языком, почём зря, – хмурился Горазд. – Сам не ведаешь, что говоришь. Это – великий крест и тяжкая судьба, никому не пожелаю такого... Всё, спать давай, хватит на сегодня.

Горазд ложился рядом с Любовой, укрывался овчиной, мгновенно, по-воински, засыпал. Алёшка же ещё долго лежал по другую сторону угасающего костра, смотрел в небо и мечтал о подвигах и славе, пока глаза его не закрывались сами собой, и сон не уносил мальчишку в свою далёкую волшебную страну.

Глава вторая

Ближе к опушке Алёша натянул поводья, остановил коня и поднял руку. До ноздрей долетел запах гари.

– Что? – спросил Милован, останавливаясь рядом справа.

Кобыла Ждана молча встала слева.

Сзади недовольно фыркнул старый конь Акимки Торопа.

Лошадь Ждана мотнула головой, отгоняя налетевшего слепня. Звякнула узда.

Лето високосного шесть тысяч семьсот девятнадцатого года от сотворения мира, оно же одна тысяча двести двенадцатое от Рождества Христова, выдалось жарким и в меру влажным – чистое раздолье для мух, комаров и слепней.

Впрочем, на то оно и лето. Как без комаров? Без мух – это зима. Но зимой на Руси только белые мухи, – те самые, от которых сугробы в рост человека, и такие морозы, что только дома на печи спасение. Нет уж, пусть лучше живые мухи да слепни.

Вместо ответа Алёша втянул носом воздух.

– Гарью тянет, – подал сзади голос Акимка. – И это не костёр.

– Точно, – подтвердил Милован. – Где-то впереди пожар. Был.

– Кажись, у кого-то изба сгорела, – сказал Акимка. – А то и весь двор.

Алёша помалкивал, ждал, пока выскажутся друзья. С самого детства они единодушно считали его главным, а главному не к лицу суета и многословие. Хотя поговорить-побалагурить Алёша любил и за словом в карман не лез.

Ага, умолкли. Ждут его решения.

Он снова понюхал воздух. Запах гари был свежий, с дымком, и, судя по направлению ветра, пожарище находилось довольно близко. Пол поприща, навряд ли больше.

Оставить ребят и коней здесь, а самому сбегать на разведку? Нет, глупо. На дорогах во владимирской земле нынче более-менее спокойно, о половцах или какой иной напасти давно никто не слышал. Чего бояться? Оно, конечно, бережёного бог бережёт, но, если каждого шороха в кустах опасаться, далеко не уедешь. А им надо далеко – аж в сам Владимир.

– Едем дальше, – решил он. Достал лук из притороченного к седлу налучья, накиннул тетиву, сунул обратно. – Не спешим, по сторонам глядим зорко, оружие держим под рукой. Я – первый, Ждан и Милован по сторонам и чуть сзади, Акимка замыкает. – Тронулись.

В Юрьеве семья Алёши прожила три года. Малый срок для взрослого и огромный для мальчишки. С двенадцати и до шестнадцати – время, когда человек мужает, окончательно обретает и укрепляет качества характера, которые будут сопровождать его всю оставшуюся жизнь.

На счастье, и несчастье.

Характер у Лёшки (так звал его отчим Горазд, мать и сёстры чаще всего называли Алёшей) вырисовывался тот ещё. Вспыльчивый, страстный, упрямый. Если что в голову втемяшится – обязательно сделает. Пусть и жалеть будет потом, а сделает. Про таких говорят – бедовый парень.

Ещё в те времена, когда был жив отец, поп Леонтий, он видел в сыне ростки будущего непокорного и буйного нрава. Весьма они его беспокоили, много неприятностей предвидел он для Алёшки в будущем, а потому старался воспитать в нём хоть какое-то смирение и страх Божий. Который есть не страх наказания, а страх уйти мимо Царствия Небесного.

– Все грехи человеческие от страстей проистекают, – учил он сына. – И в то же время, без страсти хорошо дело не сделать. Но страсть, любую страсть, в узде держать нужно. А отпустишь узду, бесы её подхватят и с помощью этой страсти такого с человеком натворят, что долго отмаливать придётся. Опять же, тот, кто к страсти привыкает, уже без неё жить не может. А в

Царствии Небесном души не страстями живут, а любовью и разумом. Тем, что со страстями, – в другую сторону.

– Куда это – в другую? – спрашивал Алёшка.

– В ад, – коротко отвечал поп Леонтий. – Ты думаешь, в ад отправляют за злые дела? Нет, душа неправедная, страстями одолеваемая, сама туда стремиться, потому как в раю, в Царствии Небесном, ей не место...

Царствие Небесное было для семилетнего, полного буйной жизни мальчишки, чем-то настолько далёким и туманным, что страх туда не попасть, если и возникал, то был весьма слабым и малодейственным. А вот вспыльчивости своей бездумной Алёшка опасался с самого раннего детства.

– А как держать страсти в узде, батюшка? – спрашивал он у отца.

– Богородице молись каждое утро. Она, заступница наша, оградит и поможет. Повторяй за мной. Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, смиренного и окаянного раба Твоего уныние, забвение, неразумие, нерадение, и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего; и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен...

Алёшка быстро выучил молитву наизусть и с тех пор старался молиться Пресвятой Деве не только каждое утро, но и в случаях, когда чувствовал, что его горячий нрав вот-вот вырвется наружу и натворит дел.

Иногда помогало.

Иногда – нет.

А иногда, когда не было никакого удержу, он сознательно опускал молитву Богородице, а просто шептал про себя: «Господи, спаси и сохрани раба твоего многогрешного», и кидался в драку или какую иную опасную затею.

И ведь тоже помогало выйти невредимым или с малыми потерями. Чаще всего.

Ехали недолго. Сразу за опушкой дорога пошла под уклон и вскоре вывернула к речушке, неторопливо струившейся между разросшихся по берегам ив.

Через темную воду, шириной в несколько саженей, был переброшен бревенчатый мост, по которому вполне могли пройти-проехать и пеший, и конный, и груженная телега.

За мостом дорога поднималась на левый пологий берег. Там, на отвоёванном у леса углу, образованном речушкой и впадающим в неё ручьём, виднелась деревня.

Алёша остановил коня. Остальные тоже.

– Крепкая весь, однако, – со знанием дела промолвил Милован. – Аж целых пять дворов.

Семья Милована пришла из новгородской земли, где этим словом – «весь» называли деревню. Или вервь, как обычно говорили в земле владимирской и суздальской. Хотя новомодное «деревня» звучало всё чаще.

– Теперь аж целых четыре, – сказал Ждан.

Алёша молчал.

Смотрел.

Предположение Акимки подтвердилось. Дальний крайний двор справа, за которым через полосу неширокой пашни опять начинался лес, сгорел.

Не тронутый огнём остался лишь амбар на отшибе. Изба, овин, курятник и всё остальное превратились в головёшки, от которых всё ещё поднимался дымок, сносимый ветром в их сторону. Отсюда, с высокого правого берега, были видны и несколько людских фигурок, копошащихся на пожарище. Рядом с ними, путаясь под ногами, бегала растерянная собака.

– Поехали, – сказал Алёша и тронул коня.

Солнце не успело совершить по небосклону сколько-нибудь заметный путь, когда они достигли деревни.

Правду сказал Милован. Пять дворов указывали на то, что вервь небедная. Обычно – два, а то и вовсе один. Много – три. Четыре-пять – редко. Считай по восемь-десять душ на двор, вот тебе уже и три десятка работных людей за вычетом тех, кто совсем немовля⁴ или пешком под стол ходит. Ну и стариков, понятно. Хотя тех, кто по старости лет уже работать не может и хозяйство вести, мало, не часто до такого возраста люди доживают.

Ладно, двадцать пять. Всё равно сила.

Миновали одну избу, вторую... Тишина, никого.

– Прячутся, что ли? – подал голос Милован. – Так мы, вроде, не страшные.

– Не льсти себе, – сказал Акимка.

– Ой-ой, – пренебрежительно сказал Милован и приосанился.

– Четверо верховых, с оружием, в каких-никаких доспехах, – рассудил Ждан. – Страшные не страшные, а бережёного бог бережёт. Так что, может, и прячутся.

– Да ну, – возразил Акимка. – В поле все. Лето, страда.

– Едем на пожарище, – сказал Алёша. – Там разберёмся.

Подъехали.

Здесь, вблизи, особо сильно пахло горелым. Тын, огораживающий хозяйство, почти весь уцелел. Рядом с открытыми нараспашку воротами стояла, понурившись, низкорослая лоша-дёнка, впряжённая в телегу. На телегу были навалены какие-то узлы, берестяные короба и большой, местами почерневший от копоти, деревянный сундук. Сверху на всём этом хозяйстве сидела девчушка лет пяти и бесстрашно взирала на всадников.

– Здравствуй, красавица, – поздоровался Алёша. —

– Здравствуйте, – уверенно сказала девчушка. – Вы русские, вас я не боюсь.

– Правильно, мы русские, не нужно нас бояться. Мы хорошие. Мамка, тятя, где?

– Там, – девчушка показала рукой за ворота, в которых появился худой высокий человек со встрёпанной бородой. Его тёмное от трудового летнего загара лицо было изрезано морщинами и перемазано сажей. Из-под низких густых бровей настороженно поблёскивали бледно-голубые глаза. – Вот он! Тятя, тятя, русские приехали! Бают, что хорошие.

– Здравствуй, хозяин, – поздоровался Алёша. – Что здесь случилось?

– Здравствуй, коль не шутишь, – после короткой паузы ответил человек. – Машка, ну-ка беги к мамке, скажи я велел тебе ей помочь.

– А можно я тут останусь?

– Бегом!

Девчушка слезла с телеги и скрылась за воротами.

– Кто вы, добрые люди? – осведомился человек. – Откуда едете и куда? Вижу, оружие у вас, но для дружинников княжьих, вроде, летами не вышли. Или ошибаюсь?

– Люди мы рязанские, – сказал Алёша. – Едем во Владимир, к великому князю за делом. Тебе, хозяин, бояться нечего, свои мы. А что до оружия и доспехов – так надо, значит. Меня Алёшей звать, сын Леонтьев по прозвищу Попович. Тебя как?

Человек помедлил, шагнул вперёд, протянул руку.

– Первуша я. Прозвище Жердь, – усмехнулся. – За то, что худой и длинный.

Алёша рассмеялся, соскочил с коня, пожал мужику руку. Была она горячеей и твёрдой, как деревянная лопата.

– Так что случилось, Первуша Жердь?

– Вам на что знать, люди добрые? Коли помочь хотите – может и расскажу. А нет – так езжайте с богом, мы уж сами как-нибудь.

---

⁴ Младенец

– Давай так, – промолвил Алёша. – Ежели хозяйство твоё от молнии занялось или там с огнём вы небрежно управлялись, то мы дальше поедем. А вот коли что похуже, то поможем. Может быть.

– Может быть?

– Ага. Подумаем – решим. Мы хоть и не княжки люди, но надеемся ими стать. Сумеем вам помочь – будет у нас, чем перед молодым князем Юрием Всеволодовичем похвалиться. Он только-только княжить начал, ему, небось, свои люди смелые да ловкие нужны. Не все ж отцовыми пользоваться.

– Хитро, – почесал в затылке Первуша. – Ты, гляжу, парень не промах.

– На том стоим.

Ладно, – сказал Первуша. – Слушайте тогда. Деревня наша зовётся Липники. Потому что лип кругом много. Отсюда и пчелы у каждого, мёд в самый Владимир возим, славится наш мёд. Хлеб растим, ячмень, хмель опять же, но то так, – Первуша сделал жест рукой, показывая, что хмель не главное, – Деревня не бедная, пять дворов, все родня, считай. Кто близкая, кто седьмая вода на киселе, но – родня. Дань князю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо исправно платим, платили, то есть, Царствие Небесное князю, дай бог, чтобы сынок его, Юрий Всеволодович, умом и сердцем в батьку пошёл, – Первуша перекрестился. Алёша со товарищи последовали его примеру.

Тем временем из ворот появились ещё трое. Женщина с измазанным сажей лицом и руками – ровесница Первуши, босой вихрастый мальчишка лет двенадцати и старый сивый дед с выцветшими, глубоко посаженными светло-голубыми глазами и клюкой в морщинистой руке.

– Семья моя, – пояснил Первуша. – Жена, отец и сын. Мамка ещё есть, лежит сейчас у родни. Зашибли её вчера чуть не до смерти.

– Кто?

– Так я ж говорю. Половцы. Отряд с дюжину сабель. Может, полтора десятка, навряд больше.

Алёша переглянулся с товарищами. Те понимающе кивнули.

Они слышали о подобных малых отрядах извечного русского врага. По сути это были разбойничьи шайки, которые скрытно обходили порубежные заставы, проникали на Русь, грабили и жгли деревни и быстро уходили обратно в Степь, не дожидаясь, пока княжки дружинники выдвинутся на перехват.

Бороться с ними было чрезвычайно трудно. В каждой верви по вооружённому заслону не поставишь, а пока весть до города дойдёт, шайки уже и след простыл. Ищи ветра в поле.

Вот и не искали. Проще новую деревню срубить или старую отстроить, нежели за десятком-другим степняков гоняться.

Опять же, в неволю эти шайки почти никого с собой не угоняли, дабы подвижность не терять. Одно дело самим на конях от погони уходить (награбленное на заводных навьючил и – айда!) и совсем другое с пешим полоном.хлопотно это. хлопотно и опасно.

А раз люди дома почти все, то и ладно. Заместо убитых бабы новых нарожают, а князь, глядишь, кликнет большой поход – тогда за всё сразу и посчитаемся с погаными. Ежели, конечно, те завтра сами не будут званы на союзную помощь против соседнего брата-князя.

В общем, не просто всё на Руси. Как всегда. Живи, хлеб жуй, на ус мотай, товарища выручай, себя не забывай. А там, как бог даст.

– Они с той стороны прискакали, – Первуша Жердь показал рукой на за реку. – Под вечер. Главного Тугариным зовут. Здоровенный, гад, на голову меня выше, а я, вроде, не малого роста. По-нашему хорошо бает. Так и сказал. Я, мол, Тугарин по прозвищу Змей. Завтра на закате чтобы куны приготовили. По десять со двора. Не будет – всю деревню спалим. А пока только твою избу, чтобы дошло, что не шутим. Выноси добро, мы не звери. И засмеялся, собака.

– Дали время собрать куны? – удивился Ждан.

– Им быстрота важна, – пояснил Алёша. – Налетели, застращали, полетели к другой верви. Потом к третьей. А если каждый дом самолично переворачивать, много времени уйдёт.

– Так и есть, – подтвердил Первуша. – К соседям они направились, в Луговое. Такая же вервь, как наша, пять дворов.

– Откуда знаешь? – спросил Алёша.

Первуша замялся, опустил глаза.

– Так мы сами им и сказали, – подала голос жена Первуши. – Они давай пытаться, какие сёла рядом да как далеко. Мы отнекивались поначалу, а потом Тугарин хватил свекровь мою плашмя саблей по голове. Та на землю упала в беспмятстве, а он сгрёб Машку за волосы и говорит, – её уже не плашмя ударю, по-настоящему. Снесу башку девке, будет вам подарочек. Ну, мы и рассказали. И про Луговое, и про Старый Бор, что на полночь от нас.

– А куда деваться было? – поднял голову Первуша. Алёша увидел, как в глубине его глаз всколыхнулась и опала бессильная ярость. – Мать по сю пору лежит, встать не может, потолок с полом у неё мешаются, не знаем, жива ли ещё останется.

– Оклемается, даст бог, – сказал дед, пожевав губами. – Старуха у меня крепкая. В особенности на голову. Помню как-то...

– Батя, – с укоризной произнёс Первуша.

– А? Ну да, верно, не время сейчас... Вы, добры молодцы, скажите лучше, что делать будете?

– Когда, говоришь, поганые вернуться обещали, – переспросил Алёша вместо ответа. – На закате?

– Ага, – сказал Первуша. – Мы уже куны собрали. Едва наскребли. Да и то серебра не хватило, пришлось мехом добирать. Хорошо охотники у нас добрые имеются, а то бы совсем беда.

– Ясно, – Алёша поглядел из-под руки на солнце, которое только-только миновало высшую точку и начало склоняться к закату. – Кто, баешь, староста верви вашей?

– Дык... – Первуша переступил с ноги на ногу. – Я и есть староста. Люди доверили.

– Тогда слушай меня, староста. Сделаем так...

Всадники появились с полуденной стороны ровно в тот момент, когда солнце коснулось верхушек недалёкого леса.

Было их семеро.

Все хорошо вооружённые (сабли на боку, луки в саадаках, притороченных к сёдлам, тулы со стрелами за спиной), в стёганных доспехах, на крепких низкорослых степных лошадях.

Из леса они выехали рысью, но, как только оказались на виду, пустили лошадей в галоп и ворвались в деревню с лихим свистом и гиганьем.

Вервь Липники встретила половцев тишиной и безлюдьем.

Только на перекрёстке, в центре деревни, белел заметный издалека берестяной короб.

Рядом с ним горбилась фигура старика, закутанная в старую длинную, чуть не до земли, епанчу.

Некогда коричневая и прочная, епанча истончилась и выцвела от времени и была теперь грязно-серого цвета, который подчёркивал её ветхость.

Низко опущенная голова старика, покрытая куколем, не давала возможности разглядеть его лицо в глубокой, уже вечерней тени. Правая рука, затянутая в кожаную перстатигу⁵, тяжело опиралась на клюку. Левая пряталась под полой, словно деду было холодно на вечернем ветру, и он грел руку под епанчой.

Семеро вылетели на перекрёсток, осадили коней.

---

⁵ Перчатка

Главный – здоровенный половец с бочкообразным туловищем и широким плоским лицом, украшенным длинными вислыми усами, выехал вперёд, неожиданно легко для своего веса соскочил с лошади, бросил поводья товарищу.

– Здравствуй, дед, – сказал весело, оперев руки в бока. Голос у него был громкий, звучный, почти без акцента. – Вот и мы. Всё по слову. Как там у вас, русских, говорится? Солнце на ели, а мы ещё не ели!

Половец запрокинул голову и захохотал. Словно собака забрехала.

Старик молчал. Только ещё больше сгорбился и ниже опустил голову.

– Где наша дань, старик? – спросил половец уже совсем другим тоном. Жёстким, угрожающим.

– Всё здесь, Тугарин, без обмана, – хрипло прокашлял старик и качнул клюкой в сторону короба, который стоял от него шагах в четырёх. – Проверь.

Половец окинул старика долгим подозрительным взглядом, затем всё-таки шагнул к коробу, наклонился и открыл крышку.

Из короба с пронзительным карканьем вылетела ворона.

Половец отшатнулся.

Правая рука метнулась к сабле.

Но старик уже отбросил куколь и распрямился. В его руках откуда ни возьмись оказался лук с уже наложенной на тетиву стрелой.

Миг, – и пропела, одним рывком натянутая к уху, тетива.

Боевая стрела с гранёным калёным наконечником, легко пробивающим кольчугу на семидесяти шагах, мелькнула и вонзилась гиганту-половцу точно промеж глаз.

Последнее, что тот увидел – юное, почти мальчишеское лицо «старика», его белые зубы, обнажённые в яростном и довольном оскале, посветлевшие от удалого бешенства серые глаза.

– Бей! – долетел до стремительно уходящего слуха крик русского стрелка, и следом пришла тьма.

На крыше ближайшего овина выросли три фигуры.

Три стрелы, коротко прочертив три смертельные черты, нашли цели, и три всадника повалились с лошадей.

Алёша – а это был он – одним движением плеч сбросил епанчу.

Рывок к уху, вторая стрела ушла куда надо, и четвёртый всадник, успевший достать из саадака лук, выпустил его и ухватился за горло, пытаясь остановить хлещущую во все стороны кровь.

Оставшиеся двое, оголив сабли, подняли лошадей на дыбы.

Первый бросил лошадь на Алёшу, замахиваясь для удара.

Милован выстрелил в него и не попал, – стрела просвистела в верхушке от головы.

Второй не успел ничего, – две стрелы – Акимкина и Ждана – вонзились в брюхо его лошади. Та закричала от боли, упала на бок.

Всадник попытался соскочить, не успел, лошадиный бок придавил его к земле.

Алёша отпрыгнул вправо, ловко перекатился через плечо и вновь оказался на ногах, натягивая лук.

Половец, будучи правой, не сумел достать его саблей, что-то крикнул зло, развернул лошадь, перебросил саблю в левую руку.

– Живым брать! – крикнул Алёша и выстрелил в лошадь.

Ждан, Милован и Акимка тоже не промахнулись.

Лошадь жалобно заржала, упала на колени.

Половец соскочил с седла, оскалился, снова перебросил саблю в правую.

– Не подходи! – крикнул по-русски.

– Ты совсем дурак? – спросил Алёша, доставая из тула на боку новую стрелу и накладывая её на тетиву. – Бросай саблю, а то убьём.

– Убивай! – крикнул половец. – Ты Тугарина Змея, брата моего, обманом убил, я тебя резать буду!

– Что-то одно, – сказал Алёша. – Или убивай, или резать. Мне больше нравится первое. Хотя я снова предлагаю бросить оружие. Тогда ещё поживёшь. Какое-то время.

Половец оскалится ещё сильнее, обнажив кривые жёлтые зубы (двух передних верхних с правой стороны не хватало), и прыгнул вперёд.

От него до Алёши было шагов восемь – хватит времени для хорошего стрелка, чтобы успеть натянуть и спустить тетиву.

Алёша был хорошим стрелком, и в следующее мгновение стрела пробила врагу сердце.

Половец остановился, выронил оружие, удивлённо посмотрел на оперение, торчащее из груди. Его ноги подкосились, на губах выступила кровь.

– Ты... прохрипел он и свалился мешком на землю.

– Я, – сказал Алёша, убирая лук. – Говорил же – сдавайся. Дурак и есть дурак. Ждан, Милован, Акимка! Слезайте с овина и вяжите этого, – он показал на единственного, оставшегося в живых половца, придавленного лошадьё. Судя по всему, у того была сломана или вывихнута, нога, потому как он оставил все попытки освободиться и только стонал от боли.

Пир для юных избавителей от половецкой беды устроили во дворе Тихомира – младшего брата Первуши, приютившего всю его семью на время строительства новой избы и восстановления хозяйства.

Места хватило всем.

Соседи притащили лавки, столы, брагу и хмельной мёд, хлеб, сыр, масло, копчёную рыбу. Обмазали глиной и запекли в углях четырёх откормленных гусей. Женщины споро накрыли на стол, подождали, пока рассядутся мужчины, сели по другую сторону со старшими детьми.

Солнце уже закатилось за горизонт, но, как и всегда в начале лета на Руси, западная сторона неба продолжала гореть закатным огнём, давая достаточно света, чтобы разглядеть миску, ложку и лица соседей.

– Много не пейте, – шепнул Алёша товарищам. – Молоды мы ещё брагу наравне с мужиками хлестать. Окосеем – стыда потом не оберёшься.

– Ну, по глоточку-то можно, – сказал Милован.

– По глоточку – да.

– А по два? – хитро прищурился Акимка.

Алёша незаметно показал ему кулак. Акимка хихикнул.

Во главе стола поднялся Первуша Жердь.

– Помолимся, – сказал.

Все встали, склонили головы.

– Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремени: отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животно благоволения, – Первуша перекрестился и взял кружку с мёдом.

Он и мужчины с кружками в руках остались стоять. Женщины и дети, перекрестившись, сели.

– Ну что, родня, – сказал Первуша прочувственным голосом. – Сегодня был хороший день. И всё благодаря нашим защитникам – Алёше Поповичу и его товарищам: Ждану, Миловану и Акиме, – Первуша повернулся в сторону гостей, поклонился.

Ребята поклонились в ответ.

– Они не проехали мимо нашей беды, – продолжил Первуша, – Хотя и могли. Но – нет. Вмешались и одержали победу. Четверо, можно сказать, мальчишек против семерых взрослых матерых врагов. Четверо русичей против семерых поганых половцев, которые пришли нас гра-

бить и убивать. И вот теперь шестеро из них сами лежат в земле, а один сидит в порубе связанный и ждёт своей незавидной участи. Наши же защитники милостью божьей и своим не по годам воинским умением и храбростью – живы и здоровы. Так выпьем же за то, чтобы они и дальше были живы и здоровы, всегда побеждали врагов, были милосердны и справедливы к слабым и беззащитным.

Первуша поднёс кружку к губам, отпил из неё несколько глотков, поставил на стол, сел и потянулся за едой.

Остальные последовали его примеру.

– Всегда удивлялся, в кого ты таким краснобаем уродился, Первуша, – произнёс Тихомир, отрезая себе кусок запечённого гуся. – Мне хоть нож к горлу приставь, а я так не скажу. А ведь родные братья вроде.

– Дык, я же староста, ухмыльнулся Первуша. – Староста должен уметь говорить. Без этого – никак.

– Так ты староста, потому что баешь красно или красно баешь, потому как староста? – осведомился Алёша и незаметно подмигнул красивой молодке, сидящей напротив.

Вокруг засмеялись, улыбнулась и молодка, блеснув в сумерках белыми зубами.

Была она лет на шесть-семь его старше – стройная шея, высокая грудь, полные улыбочивые губы. На щеках – ямочки, от вида которых сладко замирало сердце.

Алёша обратил на неё внимание ещё когда собирали на стол и запекали гусей. Поймал на себе быстрый взгляд, потом ещё раз, потом сам искал и всякий раз находил эти огневые густо-карие глаза.

Звали молодку Надёжа.

В какой-то момент, когда все готовились усесться за столы (мужчины по одну сторону, женщины и дети по другую), она, проходя мимо, как бы невзначай задела его крутым бедром. Да так, что кровь бросилась Алёше в лицо.

Хорошо, солнце уже село, и никто не заметил, как зарделся, словно красна девица, победитель страшного Тугарина Змея. То есть Алёша очень сильно на это надеялся. Потом кто-то из женщин, хлопотавших у стола, позвал её по имени:

– Надёжа!

«Надёжа, – повторил про себя Алёша. – Вот, значит, как её зовут. Красивое имя».

Первуша рассмеялся вместе со всеми.

– Да ты, хлопец, и сам, гляжу, не только с луком управляться горазд, за словом в карман не полезешь.

– Гляди, сын, – прошамкал дед Иван, отец Первуши, в чью старую епанчу облачился Алёша и которым он и прикинулся, когда встречал Тугарина Змея с подельниками. – Как бы новый староста у нас в деревне не появился тебе на смену. – У него не только глаз меткий, рука верная и язык бойкий. Голова тоже на месте.

– А что? – подала голос Надёжа. – Я люблю языкастых. И головастых.

Вокруг грохнули.

Алёша снова покраснел.

– Думаете против буду? – ответил Первуша. – Только обрадуюсь. Забот меньше. Хоть спокойно хозяйство подниму. А ты, Надёжа, не смущай гостя. Гляди, от его щёк уже лучину зажигать можно!

Все опять рассмеялись.

– Это от мёда, – сказал Алёша небрежно. – Уж больно он у вас кровь быстро разжигает. Прямо – ух!

И отпил из кружки. Мёд и впрямь был хорош и крепок.

– Берегись, парень, – сказал дед Иван. – Надёжа у нас молодуха хоть и вдовая, да горячая не хуже того мёда. Как бы и впрямь тебе у нас в Липниках не остаться, хе-хе.

– Ты, дед Иван, говори да не заговаривайся, – посоветовала Надёжа. – Это бабка твоя, дай бог ей здоровья, пусть тебе горячая будет. А я так, мимо хожу, за погляд куны не беру. Хоть и надо бы. С некоторых. У кого седина давно в бороде сидит, да бес в ребре свербит.

– Язва, – сказал дед Иван и потянулся к кувшину с мёдом. – Как есть язва.

– Да я бы, может, и с радостью, – ответил Алёша. Он уже немного захмелел и почувствовал себя легко и свободно. Ему казалось, что этих добрых людей он знает всю свою жизнь, а значит и никаких тайн от них у него быть не может. – Жаль только, не моё это дело – землю пахать. Хочу князю и земле русской послужить.

– И я, – сказал Милован.

– И я, – подтвердил Ждан.

– А я и подавно, – не отстал Акимка.

– Спасибо, други! – воскликнул Алёша. – Куда ж я без вас. Вместе мы выросли, вместе и дальше будем.

– До самого конца! – стукнул Акимка кружкой об стол да так, что мёд плеснул через край.

– Тихо, тихо, – сказал Алёша. – Ты, Акимка, кружку оставь, а берись-ка за гуся. Гусь знатный удался, налегай, пока не разобрали до косточек.

Акимка открыл было рот, чтобы ответить, но передумал, кружку по совету старшего товарища и вожака отодвинул и принялся за гуся.

– Князю послужить – дело хорошее, – сказал Первуша. – А земле русской – ещё лучше. Мыслию, вас теперь в дружину княжью без испытания зачислить могут. Считай, вы за неё большую важную работу сделали! Притащите князю Юрию Всеволодовичу живого половца, он расскажет, как дело было, дабы жизнь свою поганую спасти. Чай, не откажет князь таким молодцам!

– Половца мало, – рассудил дед Иван. – Поезжай сам, Первуша. Ты – староста, твоё слово веское. Подтвердишь. Заодно и купишь разного нужного во Владимире. Куны-то собранные целы остались, хе-хе, за что спасителям нашим храбрым особое спасибо. Вот и применение им найдётся.

– Оно бы неплохо, – засомневался Первуша, – да станет ли князь меня слушать? Кто он, и кто я!

– Попытка – не пытка, – сказал Алёша. – Мы тоже не знаем, примет нас князь или велит гнать в шею.

– А, была ни была, – махнул рукой Первуша. – Еду! Тихомир, брат, на тебе две семьи, пока не вернусь. Управисься?

– Куда ж я денусь, – ответил Тихомир. – Езжай, брат. Дело нужное. Даст бог, князь милость окажет, меньше дани возьмёт с нас по осени, как с пострадавших от половецкого набега.

– Ага, – буркнул дед Иван. – Держи карман шире – больше говна влезет, замаешься вываливать.

– Так может и не ехать тогда, батя? – прищурился Первуша.

– А ты меня не лови, – рассердился дед Иван. – Ехать надо. Да только о данной милости нарочно не проси. Расскажи всё, как есть, и на том довольны.

– Только пожалобней рассказывай, дядя Первуша, – вступила в разговор Надёжа. – И оденься победнее.

– Так, – сказал Первуша сердито. – Разохотились. Хватит. Поучите учёного. Без вас как-нибудь разберусь, советчики нашлись...

Глава третья

Ворота по ночному времени оказались заперты. Алёша толкнул калитку рядом, и та легко отворилась. Словно ждала.

– Хорошему лазутчику и месяц солнышко, – учил его Горазд. – А дружинник, которого нельзя послать в разведку со сторожевым отрядом, плох и место ему не в княжьей дружине, а в дворне. Но и у врага лазутчики имеются. Значит – что? Правильно. Ты должен видеть всё, а тебя – никто. Даже самой темной ночью можно видеть, если знать, как смотреть. Слушай внимательно и запоминай, повторять не стану. Первое – не торопись, дай глазу к темноте привыкнуть. Если нет времени, закрой глаза и резко кивни несколько раз, чтобы кровь к голове прилила.

– Зачем? – удивлялся Алёша.

– Затем, что всякий член у человека лучше работает, когда кровью хорошо снабжается. Хоть рука, хоть нога, хоть... ну, это тебе пока рано... хоть глаз. Если человек много крови потеряет, что будет?

– Человек умрёт.

– То-то. Кровь – это жизнь, в ней вся сила. Потому молодым и старым двигаться полезно, что движение кровь по телу разгоняет. Второе. Смотри не в упор, а как бы боком, краем глаза. Ночью боковое зрение лучше работает. Не спрашивай, почему, не знаю. Третье. Умей различать игру света и тени. Когда она от ветра, а когда от движения человека.

– А если животное, зверь?

– Что – зверь?

– Как отличить движение зверя от движения человека?

– Ты в лесу медведя от человека, не глядя, можешь отличить?

– Когда как... Медведь пахнет крепко, особенно ежели с наветренной стороны к нему стоять, и сквозь лес крадётся тихонько. Шумит нарочно, только когда хочет, чтобы ты ушёл. Человек обычно громче ходит. Если не охотник, знамо.

– Вот сам на свой вопрос и ответил. Ночью на слух и обоняние больше полагайся, они подскажут то, чего глаз не заметит. Дальше идём. Как самому незаметным стать?

– Двигаться тихо?

– Это само собой. Тихо и плавно. Как вода течёт. Резкое шевеление сразу заметно. Ещё?

– Тёмное, – догадался Алёша, подумав. – Нужно одеваться в тёмное, чёрное.

– Правильно, молодец. Не только одеваться. Хорошо перстатичи черные на руки надеть и лицо тёмной тканью обмотать, где можно. Нет такой возможности – куколь⁶ поглубже. Но куколь обзору мешает, поэтому ткань лучше... Ещё грязью можно лицо вымазать. Но не сплошь – полосами.

– Как это?

Горазд брал печную сажу, показывал – как, потом рычал, изображая свирепость. Алёша хохотал.

Горазд учил хорошо, Алёша впитывал его учение легко, с охоткой, а потому надеялся, что прошёл ко двору Надёжи незаметно. Даже собаки не залаяли, которых в деревне было несколько. Правда, лицо мазать сажей не стал – не тот случай.

Он мог бы и не решиться, кабы сама Надёжа не подала ясный знак глазами, когда все уже вставали из-за стола и собирались по домам. И улыбнулась быстро. Да так, что сердце Алёши ухнуло куда-то вниз, затем вернулось на место, но уже не успокаивалось – так и трепыхалось взволнованно до самых заветных ворот.

---

⁶ Капюшон.

Алёша оглянулся через плечо, окинул быстрым взглядом ночную тихую даль, ясный, в первую четверть, месяц, и проскользнул во двор.

Его тут же взяли за руку, прижались горячим телом.

– Пришёл, – довольно шепнула Надёжа, нашла жадными губами его губы, и дальше Алёша себе уже не принадлежал.

Они лежали поверх широкого покрывала, которым предусмотрительно было застлано сено. Голова Надёжи покоилась на груди Алёши, пальцы поглаживали его щёку.

– Что? – спросил он.

– Ничего, – ответила она. Было темно, но Алёша почему-то знал, что она улыбается. – Просто так. Мальчик ты ещё совсем. Кожа гладенькая, нежная. Борода почти не растёт. И хорошо. Не люблю колючих.

Алёша хотел было обидеться, но не успел, – рука Надёжи скользнула к его животу, потом ниже...

– Ох, какой, – прошептали горячие губы ему на ухо. – Беру свои слова назад. Не мальчик. Муж. Иди ко мне, любый, иди...

Летние ночи короткие. Вот уже и месяц нырнул с неба за ближайший лес, и первый петух проорал где-то на краю деревни свою бодрую песню. Этот предрассветный час кажется самым тёмным. Но он недолог, и тот, кто проявит терпение, обязательно увидит, как очень скоро на востоке разгорится заря.

– Пора, милый, – сказала Надёжа. – Не нужно, чтобы тебя видели. Бабы, конечно, и так догадаются, но это совсем другое. Не видел – не знаешь. Моё дело.

– Как же они догадаются?

– Бабы они такие... догадливые, – тихо засмеялась Надёжа. – Ведают то, что и не видели. Оно ведь как? Ум без догадки векши⁷ не стоит.

– А лишние догадки на худое падки, – тоже пословицей ответил

Алёша, чья мама знала их великое множество.

– И это верно, – вздохнула Надёжа.

– Значит, правду бают, что все бабы – ведьмы?

– Конечно.

– Но это же... неправильно это. Батюшка мой говорил, что ведовство – грех великий.

– А кто твой батюшка?

– Поп. Был.

– Был?

– Умер он.

– Царствие Небесное, – Надёжа перекрестилась. – Правильно твой батюшка говорил. Грех. Но что делать? Мы вот сейчас с тобой чем занимались? То-то. Не переживай сильно, бог простит. На то он и всеблагодь.

Алёша промолчал. Вступать в богословский спор не хотелось. Хотелось совсем другого. Совсем. Но он понимал, что Надёжа права. Пора идти.

Он поднялся, оделся. Рядом быстро оделась Надёжа.

Дверь сеновала открылась бесшумно.

– Будешь меня ждать? – обернулся на пороге Алёша.

– Незачем это, – ответила женщина. – Поверь. Вспомнишь меня хоть иногда – и то хорошо. А всё остальное... незачем. Но...

– Что?

– Если вернёшься, не прогоню. Всё, иди.

---

⁷ Самая мелкая монета в Древней Руси, одна шестая часть куны.

Алёша скользнул за дверь. Ещё долго на его губах таял вкус последнего сладкого поцелуя. И даже утром, когда солнце поднялось над лесом, все проснулись и собирались в путь (пару часов поспать всё же удалось), он чувствовал на своих губах губы Надёжи. Только что ставший настоящим воином и мужчиной, он даже не мог представить, сколько жарких поцелуев и убитых врагов его ждёт впереди, но точно знал, что прошедшие ночь и день он запомнит на всю жизнь.

Владимир открылся за поворотом дороги во всём своём великолепии сразу.

Так распаивается жадному взгляду море, когда видишь его впервые или после долгой разлуки.

Русская неоглядная даль с опушки соснового бора на вершине холма.

Звёздное небо морозной ночью, когда шагаешь под него из жарко натопленной избы.

Моря Алёша не видел, а вот всё остальное – много раз. И большие города он видел тоже. Рязань, в которой он родился и вырос, была не многим меньше Владимира. Да только столичный Владимир всё равно поражал воображение.

Одни Золотые ворота, к которым вела дорога, чего стоили!

Мощное основание-подклет с высоченным и широченным арочным проходом посередине было оббито, казалось, чистым золотом, в листах которого горело и плавилось летнее солнце. Да так, что глазам больно. Из подклета вторым ярусом выростала надвратная белокаменная церквушка с одинокой золотой же маковкой купола на высоком барабане.

Алёша приставил ладонь козырьком ко лбу.

– Золочёная медь? – спросил он у Первуши, который правил лошадкой, запряжённой в телегу.

– Она, – подтвердил староста. – Покойный князь Андрей Юрьевич Боголюбский денег на Владимир не жалел. Что, красиво?

– Не отнять, – сказал Алёша. – А там дальше, в городе, что за купола сияют?

– Много что. Те, что ближе к нам – церкви святого Георгия Победоносца. Ещё самим Долгоруким Юрием заложена. Дальше, в детинце, пять куполов, видишь? Успенский собор. Первый во Владимире. За ним – Дмитровский...

Оказалось, Первуша Жердь неплохо знает город, и Алёша услышал от него много полезных сведений, пока подъезжали к Золотым воротам.

Наконец, копыта лошадей простучали по дощатому настилу широкого моста через оборонительный ров, и путники приблизились к высоченной каменной арке ворот. Дубовые мощные створки были по дневному времени распахнуты настежь, как бы приглашая проследовать внутрь. Но не сразу.

– Кто такие? – из густой арочной тени выступили два стражника, лениво преградили дорогу.

Первуша остановил лошадь, слез с телеги.

– Здравствуйте, люди добрые! – снял шапку, поклонился в пояс.

– И тебе не хворать, – ответил дюжий высокий стражник с круглым добродушным лицом. – Только сразу говорю, дядя, без мыта не проедешь. Со всех брать велено, кто б ни был. Хоть с товаром, хоть без; хоть хромой, хоть босой, хоть убогий. Нет мыта – ночуй за воротами в чистом поле. А мыто нынче не малое, – он вздохнул нарочито сочувственно, – по полкуны с головы.

– Да ты что! – не выдержал Первуша. – По две векши было!

– Так то когда! Ещё снег лежал. Нынче – полкуны. Или плати, или поворачивай. Вам решать, моё дело маленькое.

Рука Первуши полезла чесать затылок. Полкуны с головы – это было много. Очень много. Стражник явно намекал на мзду. Оно, конечно, можно было и заплатить, но не хотелось.

Последний раз, когда Первуша был во Владимире, стража мзду не брала, и это было справедливо. Мытная изба сразу за воротами стояла. Путник шёл туда, платил мытарю, что положено, и был свободен. Само его нахождение в городе означало, что мыт он уплатил. Стража, понятно, следила, чтобы никто мимо избы не проскользнул даром, но это и всё.

– А ежели по княжьему делу? – выехал вперёд Алёша.

Стражник окинул всадника опытным глазом, ухмыльнулся:

– Ты, балабола малолетняя, на ветру сначала постой с годик-другой, чтоб молоко на устах обсохло, а потом о княжьих делах толкуй.

Второй стражник – среднего роста, с рыжеватой, кочьями, бородой – равнодушно помалкивал, опершись на копьё и лениво помаргивая маленькими, болотного цвета, глазками. Видно было, что всё он видел, всё ему надоело и хотелось только одного – выпить жбан пива, закусить тёртой редькой да завалиться в тенёк поспать, пока дневная жара на убыль не пошла.

Алёша перекинул левую ногу через седло, подбоченился.

– Ты, дядя, гляжу, ростом велик да умом коротковат. Сначала бы выслушал, а потом балаболой обзывался. Я хоть летами и молод, а зазря трепаться не люблю. Ежели говорю, что дело у нас важное к самому князю Юрию свет-Всеволодовичу, значит так оно и есть. Князь ещё нам приплатит, когда узнает, что мы ему привезли. Так что смотри, верста, не считай чужое до ста, а лучше своё до трёх, – Алёша рассыпал слова с прибаутками, будто сухой горох по избе. – А то как бы не просчитаться да без порток не остаться. Кто верной чуйки не имеет, тот службу толком не блюдёт.

Последняя приговорка была Горазда, который частенько её повторял.

– Это кто здесь такой говорливый, кому князь приплатит? – раздался громкий весёлый голос.

Стража расступилась, из-под арки выехал молодой богато одетый всадник на сильном, откормленном вороном коне. За всадником теснилось ещё несколько верховых в одежде попроще, но тоже явно недешёвой. Одни шапки, отороченные у кого выдрой, у кого бобром, а у кого и соболем говорили о многом.

Горазд учил Алёшу запоминать увиденное сразу и в подробностях.

«Иногда от одного твоего взгляда зависит, жить тебе или умереть», – говорил он и убирал скатерть со стола. Под скатертью обнаруживалось вперемежку разное: пара ложек, стрела, грибы,

горшок, несколько монет разного достоинства, мамины колт⁸ и бусы, кольца, нож, кусок хлеба...

Горазд считал до пяти и снова набрасывал холстину, после чего его ученик должен был перечислить всё, что увидел и запомнил. С каждым разом предметов становилось больше, а счёт быстрее и короче. До тех пор, пока Алёша не научился безошибочно запоминать до дюжины предметов на счёт «два».

Теперь ему хватило одного взгляда, чтобы понять, кто перед ним.

Он подал товарищам знак соскочил с коня, воскликнул:

– Будь здрав, великий князь! И ты сам, и вся родня твоя, и дружина верная!

После чего снял шапку, склонился в земном поклоне. Затем распрямился, надел шапку, посмотрел богатому всаднику в глаза:

– Дозволь слово молвить, надёжа-государь!

– Как ты меня назвал? – удивлённо спросил всадник.

Вместе со спутниками он уже выехал из тени арки, остановил коня, и теперь все, включая резко посторонившихся и ставших почти незаметными стражников и Первуши со своей

---

⁸ Женское украшение.

телегой, расположились живописной группой прямо на небольшой площади перед Золотыми воротами.

Несколько пеших крестьян, направлявшихся в город, и два воза с сеном, запряжённые волами, видя такое дело, встали в отдалении, не решаясь пересечь мост. От греха подальше.

– Надёжа-государь! – чётко повторил Алёша и снова поклонился. На этот раз поясным поклоном.

– Впервые слышу, – поднял густую тёмную бровь князь (а это был он, великий князь Юрий Всеволодович). – Сам придумал или слышал от кого?

– Сам, надёжа-государь. Только что. Прости, коли не по нраву пришлось.

– Боек, боек, – усмехнулся князь и обернулся к спутникам. – А?

Пятеро всадников – все молодые, ровесники князя, с луками в кожаных налучьях, притороченных к сёдлам и тулами, полными стрел, за плечами, переглянулись, засмеялись охотно. Мол, что боек, то боек. Не отнять.

Князь окинул быстрым взглядом спешившихся товарищей Алёши; Первушу, почтительно сдёрнувшего шапку; пленного половца с перебитой ногой, упрятанной в лубок и связанными впереди руками, сидящего с понурым видом на заводной лошади. Снова посмотрел на Алёшу.

– Кто таков?

– Лёшка, Алексей, прозвище Попович. Отец попом был, Леонтием звали. Рязанские мы.

– Рязанские, значит, – хмыкнул князь. – То-то, гляжу, рожи хоть и молодые, а уже наглые.

Бунтовщики?

– Как можно, надёжа-государь, великий князь! – со всей возможной искренностью воскликнул Алёша. – И батя мой покойный, Царствие ему Небесное, – он быстро перекрестился, – и отчим, он же вуй, княжий порубежник Горазд, учили к великим князьям с великим же почтением относиться. Ибо несть бо власть, аще не от Бога, как завещал нам апостол Павел в послании к римлянам. Первом соборном.

– Ого! Да ты, гляжу, не только боек, но и в Писании силён. Редкий случай... Грамоте и счёту обучен?

– Обучен, надёжа-государь.

– Хм. Погоди, как ты сказал, порубежник Горазд?

– Он самый. Мой отчим. И вуй.

– Как это? – нахмурился князь. – Брат на сестре женился?

– Дальний он, – пояснил Алёша. – Трююродный.

– А, тогда ладно, – лицо князя разгладилось. – Горазд?

– Горазд.

– Не слышал о таком.

– Так он нашего рязанского князя порубежник был, Романа Глебовича.

Великий князь снова обернулся к своим.

– Помню, – сказал всадник, выглядевший старше остальных, в чьей тёмно-русой бороде уже пробивалась седина. – Храбрый был вой и порубежник умелый, дай бог всякому. Шрам у него ещё заметный, от сабли половецкой, вот так через лоб идёт, – он показал.

– Прости, уважаемый, – поклонился Алёша, – не знаю твоего имени-отчества и звания, но не через лоб. Через щёку, от левой брови, – он провёл пальцем по щеке. – Вот так. Может, ты какого другого Горазда-порубежника знавал?

– Того самого, – засмеялся всадник. – Прости, Попович, надо было тебя проверить, – обратился к князю. – Правду говорит парень. Через щёку шрам у Горазда. Точно по его слову.

– Хорошо, – князь Юрий Всеволодович довольно кивнул. – Люблю правду. Так это Горазд тебя ко мне послал?

– Нет, я сам. Вернее, мы сами. С товарищами моими. Горазд шуйцу по локоть потерял в бою с половцами, служить не может больше. Теперь наша очередь. А он нас всему научил. Так и сказал. Хотите русскую землю защищать, – езжайте к великому князю Всеволоду свет-Юрьевичу, проситесь к нему в дружину, пусть он вас испытает и скажет, годитесь вы или нет. Слышал, он человек справедливый и умелые вои ему нужны.

– А вы, значит, умелые? – засмеялся князь.

– А ты, вон, у него спроси, – кивнул Алёша на Первушу, стоявшего с тихим видом у телеги с шапкой в руках.

– А и спрошу. Раз уж день такой выдался... Говори, – разрешил он.

– Первушей меня звать, – поклонился низко Первуша. – Прозвище Жердь. Староста деревни Липники твоей вотчины...

Не затягивая и не путаясь в словах, коротко, по делу, Первуша описал недавние события в деревне.

Князь и его свита слушали, время от времени перебрасываясь короткими недоверчивыми взглядами.

– И вот мы здесь, перед твоими глазами, великий князь, надёжа-государь, – закончил Первуша, который быстро понял, что новое обращение, придуманное на ходу Алёшей, князю нравится, а значит, лишний раз употребить точно не во вред будет. – Коли моих слов мало, вели половца допросить, которого мы... то есть Алёша Попович со товарищи в полон взяли, – Первуша показал на пленного. – Он подтвердит.

Князь молчал, думал. Остальные тоже. Только кони похрапывали, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

– Что скажете, братья и дружина? – наконец, спросил князь у своих. – Ты, Ратибор?

То самый всадник, старше всех годами, который устроил Алёше проверку, почесал бороду.

– Горазд, конечно, вой был умелый, опытный, – сказал он. – И мог научить многому. Но чтобы четверо мальчишек положили пятерых матёрых степняков во главе с самим Тугариным Змеем? Встречался я в бою с этим Тугариным. Хитрый, смелый и сильный враг. Чтобы он вот так за здорово живёшь попал в ловушку? Как-то не верится, уж прости, великий князь. Что до пленного... – он тронул коня, подъехал к половцу вплотную, поднял ему подбородок рукоятью плети.

– По-русски разумеешь?

– Всё он разумеет, – сказал Первуша. – И разумеет, и говорит.

– Тогда говори, коли жить хочешь. Правду тут про вас сказали или как?

Половец оскалится, молча сплюнул на сторону, уставился в глаза Ратибору, издевательски рассмеялся.

– А я жить не хочу. Убивай. Ничего не скажу.

– Ты посмотри, – удивился Ратибор. – Смелый попался. Что, и дыбы с калёным железом не испугаешься?

– Да бес с ним, – сказал Алёша. – Потом всё равно расскажет, а сейчас время теряем. Жалко. Ты, дядя Ратибор, баешь, что знавал Тугарина Змея лично?

– Ну, знавал, – подтвердил Ратибор. – И что?

– Тогда гляди сюда.

Алёша подошёл к телеге, вытащил из-под сена кожаный мешок, развязал, перевернул, потряхнул. Посыпались сморщенные листья крапивы. Вслед за ними из мешка вывалилось что-то круглое, завёрнутое во влажную тряпку. С глухим стуком упало на дорогу. Алёша пихнул свёрток ногой.

Тряпка размоталась и взорам присутствующих явилась отрубленная человеческая голова.

Княжеский конь вскинул голову, всхрапнул, попятился, замер под сильной рукой всадника, кося испуганным глазом.

– Тихо, тихо, – сказал князь, похлопывая коня по шее. – Привыкай, дурачок.

Алёша наклонился, поднял мёртвую голову за волосы так, чтобы хорошо было видно всем и спросил:

– Ну что, дядя Ратибор, признаёшь Тугарина Змея али не он это?

Первые мишени – пять набитых соломой чучел в человеческий рост – были установлены в пятидесяти саженьях от черты, на которой стояли лучники.

Стрельбище располагалось недалеко от городских стен, князьи холопы выехали раньше и успели всё приготовить.

Сам великий князь достал лук, и встал рядом со всеми. Всего в шеренге стрелков оказалось ровно десять человек, включая Алёшу, Милована, Ждана и Акимку.

– Готовы? – спросил распорядитель.

– Готовы! – разом откликнулись стрелки.

Распорядитель поднял и резко опустил руку:

– Бей!

Десять луков поднялось на уровень плеча, десять тетив рывком натянулись, десять стрел ушли в полёт и все десять нашли цели.

Следующая мишень – малый деревянный щит, выкрашенный в три круга один в другом: белый, синий и красный, была укреплена на столбе и отнесена на десять саженьей дальше.

– Бей! – махнул распорядитель.

И снова никто не промахнулся.

Две стрелы из десяти вонзились в самый широкий – белый круг. Четыре – в синий. И четыре в центральный красный.

– Ага! – воскликнул князь азартно. – Вот сейчас-то и начнётся настоящее веселье. – Ещё сорок саженьей!

Мишень-щит установили в ста саженьях от черты. С такого расстояния щит казался совсем маленьким, три круга на нём были едва различимы.

С востока потянуло ветерком. Не сильно, но достаточно, чтобы увести стрелу с прямого полёта.

– Белый круг – не в счёт, – напомнил распорядитель. – Только синий и красный. Готовы?

– Готовы!

– Бей!

Теперь луки поднялись выше и стрелки целились дольше, стараясь учесть не только расстояние, но и силу ветра.

Только не Алёша Попович.

Казалось, он и вовсе не целился, пустил стрелу небрежно, словно играючи, и она первой с коротким стуком вонзилась точно в красный центр щита.

Тух! Тух! Тух!

Ещё три воткнулись рядом.

Остальные четыре поразили синий и белый круги, а две и вовсе пролетели мимо.

– Чёртов ветер, – пробормотал с досадой кто-то из стрелков, снимая тетиву и убирая лук в налучье.

– Негожему плясуну, Стёпа, известно, что мешает! – захохотал князь.

Раздосадованный Стёпа и ещё пятеро участников, среди которых оказался Акимка (белый круг) и Милован (синий круг), ушли с черты, встали в сторонке, превратившись в наблюдателей.

На черте остались четверо: сам князь Юрий Всеволодович, Ратибор, Ждан и Алёша.

Столб со щитом-мишенью отнесли ещё на двадцать саженей дальше.

– Три выстрела на каждого, – объявил распорядитель. – Два из трёх в цель – зачёт. Два мимо – незачёт. Бой по готовности. Начали!

Теперь уже никто не торопился. Алёша так и вовсе стоял, опустив лук, и наблюдая, как бьют остальные.

Первым спустил тетиву князь. По широкой дуге стрела ушла в полёт и закончила его точно в центре щита.

– Есть! – воскликнули лучники, ставшие зрителями. – Слава князю!

Ждан поднял лук, долго целился, шурясь и ловя ветер. Наконец, выстрелил и... промазал. Стрела лишь чиркнула о край щита и воткнулась в землю дальше.

– Мазила! – радостно закричал Степан. – В белый свет, как в яблочко!

Ждан недовольно поморщился, снял тул и принялся тщательно выбирать следующую стрелу.

Ратибор и Алёша выстрелили одновременно и оба попали.

Вторая стрела князя воткнулась в синий круг, почти на границе с белым.

– Не всегда коту масленица, – заметил князь Юрий Всеволодович, доставая третью стрелу.

Бах! Бах!

Стрелы Алёши Поповича и Ратибора снова задрожали рядом в центре щита.

Второй выстрел Ждана пришёлся в синий круг, чуть-чуть не достав до красного.

– Нашего полку прибыло! – громогласно объявил вконец развеселившийся Степан. – Или сюда, криворукий да косоглазый, вместе будем смотреть, как бить из лука надо.

На черте остались трое.

Теперь первым выстрелил Алёша. И неудачно. Его третья стрела ушла в сторону, на ладонь пролетев мимо щита.

– Два из трёх! – объявил распорядитель. – Зачёт.

Князь выстрелил и попал. Не в самый центр, но из пределов красного круга стрела не вышла. Довольная улыбка тронула его губы:

– Ну-ка, Ратиборушка, сделай получше.

– Как скажешь, князь.

Ратибор спустил тетиву, и третья стрела воткнулась на излёте в центр щита рядом с остальными.

– Три из трёх! – воскликнул распорядитель. – Последнее испытание!

Сто пятьдесят саженей и не вершком меньше отмерили холопы от черты и там воткнули в землю девять прямых, очищенных от коры ивовых веток-прутьев. Каждый высотой по плечи взрослому мужчине и толщиной в руку годовалого ребёнка. По три на каждого стрелка.

– Ну что, победитель Тугарина Змея, ударимся об заклад? – подмигнул князь Алёше. – Коли обстреляешь меня и воеводу Ратибора, возьму тебя и товарищей твоих в младшую дружину на службу. Коли нет – не взыщи.

– Кем возьмёшь, князь? – поинтересовался Алёша.

– С конюхов начнёте, – усмехнулся князь. – Как все. Ну, может, кто в ловчие сгодится или даже в сокольники, посмотрим.

– Богатое предложение. А давай так, надёжа-государь. Я срезаю три из трёх. Потом поворачиваюсь спиной к полю, и твои холопы втыкают ещё три ветки дальше. Но не более, чем на двадцать саженей. По слову я поворачиваюсь и срезаю все три прежде чем ты досчитаешь до десяти.

– Ого, – приподнял бровь князь. – И ты не видишь, как далеко воткнут прутья?

– Не вижу.

– До десяти?

– До десяти.
– Как быстро считаю?
– Как сам решишь.
– Хм... Что хочешь за это в случае удачи?
– Младшая дружина. Но не в конюхи и не в ловчие.
– В гриди, что ли, сразу метишь? – прищурился князь.
– Нет, – сказал Алёша. – В лазутчики. С правом перехода в старшую дружину после первого удачного дела, – он чуть подумал и добавил. – Ладно, после второго.
– Много хочешь, парень. Люди годами служат, прежде чем в старшую дружину попасть.
– Твоя воля, надёжа-государь. Ты об заклад биться предложил, не я.
– Ловок, ловок! – засмеялся князь. – А коли не выйдет?
– Тогда, князь, как решишь, так и будет. Хоть в конюхи, хоть домой, в Рязань.
– А в Рязани, небось, в дружину к князю Ярославу проситься станешь?
– А почему бы и нет? Нам землю пахать или сапоги тачать – только время терять. Не к тому на свет народились.

– Боек, ловок, молод и нахален, – заключил князь. – Ну ладно, будь по сему. К бою!

Трое лучников – двое взрослых, опытных и знатных мужей и один безвестный шестнадцатилетний мальчишка встали у черты с луками в руках.

– Бой по готовности! – провозгласил распорядитель. – Начинайте!

Постороннему наблюдателю, никогда не видевшему, как бьют из мощного боевого лука настоящие стрелки, задача показалась бы невыполнимой. На таком расстоянии прутья-мишени едва можно было различить даже острым глазом. Плюс ветер, который ещё усилился.

Первым выстрелил Алёша. Быстро, почти не целясь. Он был явно слабее остальных, а потому не мог долго удерживать натянутую до предела тетиву. Стремительно, с едва слышным шелестом, стрела ушла, миновала высшую точку и устремилась вниз.

Р-раз!

Верхняя часть прута, срезанная бритвенной остроты наконечником, упала в траву.

– Хороший выстрел, – похвалил воевода Ратибор, чья стрела, пущенная через мгновение, тоже нашла цель.

– И твой неплох, дядя Ратибор, – сказал Алёша.

Князь, сильной рукой удерживая натянутую тетиву возле уха, целился дольше обычного, шурился, менял угол подъема. Наконец, выстрелил. Прут, оцарапанный стрелой, качнулся в сторону.

– Зачёт! – объявил распорядитель.

Ратибор выстрелил два раза подряд. Одна стрела прошла мимо, вторая расщепила прут.

– Два из трёх у воеводы Ратибора! – объявил распорядитель.

Князь покосился на Алёшу. Тот стоял молча и спокойно. Лук, с наложенной на тетиву стрелой опущен, глаза полужакрыты. Казалось, он слушает ветер и кожей старается уловить его направление и силу.

Князь выстрелил и промазал. Поморщился и выстрелил снова. На этот раз точно – верхушка прута отлетела в сторону.

– Два из трёх у великого князя Юрий Всеволодовича!

– Хорошо стреляешь, великий князь, – сказал Алёша. – И ты, дядя Ратибор. Трудно мне будет.

Он стащил с головы шапку, отороченную старым полувытертым заячьим мехом, выдрал из неё щепотку пуха, отпустил. Ветер понёс пух в сторону под углом к черте, на которой стояли стрелки. Алёша проводил пух глазами, удовлетворённо кивнул и вскинул лук, одновременно плавным рывком натягивая тетиву. Отпустил. Мгновение, второе, третье...

Расколотый стрелой ивовый прут еще не успел сложиться пополам, а третья стрела почти догнала вторую, и срезала третий прут.

– Три из трёх у Алёши, называемого Поповичем!

– Ура!! – крикнули Акимка и Милован.

Ждан молча вскинул руку, сжатую в кулак.

Ратибор наклонился к уху князя, что-то прошептал.

– Думаешь? – спросил князь?

– Уверен, – ответил Ратибор.

– Слышал, молодец? – обратился князь к Алёше. – Воевода Ратибор предлагает взять тебя со товарищи в младшую дружину лазутчиками без дальнейших условий. Доказали, что достойны.

– Благодарю, – Алёша поклонился в пояс. – Однако дозвожь, князь, всё-таки дострелять до конца. Негоже бросать начатое.

– Стреляй, коли есть охота, – согласился князь. – А мы поглядим.

Алёша снял с плеч тул, проверил оставшиеся стрелы, уложил их так, чтобы можно было удобно и быстро достать нужные. Снова надел тул, вытащил стрелу, наложил на тетиву, повернулся спиной к стрельбищу:

– Готов!

Князь за его спиной выкинул распорядителю дважды по десять пальцев и один – пять. Распорядитель понимающе кивнул головой, сделал знак помощнику. Тот подхватил три свежих прута и помчался на край стрельбища. Отсчитал ещё двадцать пять сажений, воткнул прутья, отбежал в сторону, крикнул:

– Можно!

– Бей! – поднял и опустил руку распорядитель.

– Один, два... – начал счёт князь.

Алёша повернулся и выстрелил. Он увидел, что прутья отнесли дальше положенного на целых пять сажений, но ничего не сказал и только чуть выше поднял лук.

– ... семь, восемь...

Первые две стрелы были ещё в воздухе, снижаясь по дуге, когда третья отправилась вслед за ними.

Князь замолчал, приложил ко лбу ладонь, следя за их полётом.

Раз!

Упал первый прут.

Два!

Наклонился, почти разрезанный надвое, второй.

Три!

Стрела расщепила третий, самый толстый, и застряла в нём.

– Три из трёх! – крикнул распорядитель и повторил, – Три из трёх!

– Господь свидетель, – князь перекрестился. – Ты сумел меня удивить, Алёша Попович. Никогда я не встречал столь умелого стрелка. Надеюсь, и лазутчики из тебя с товарищами твоими окажутся, что надо.

– Испытай нас, надёжа-государь, и ты не пожалеешь, – поклонился Алёша.

Солнце почти добралось до полуденной высоты, когда кавалькада всадников во главе с великим князем Юрием Всеволодовичем достигла Золотых ворот и скрылась за стенами Владимира. Замыкали её четверо новых младших дружинников. Никто из них не знал своей дальнейшей судьбы, но в сердце каждого трепетала великая радость: первая и важнейшая цель была достигнута.

Глава четвёртая

Октябрь одна тысяча двести первого года от Рождества Христова радовал Палермо ясными днями и долгим теплом. Как всегда, впрочем. Жители Сицилии привыкли, что лето у них длится вплоть до декабря, а холода наступают не ранее февраля, когда на неделю-другую достаются из кладовок зимние шерстяные куртки и шерстяные же чулки, а наиболее чувствительные даже натягивают перчатки. Особенно при северном ветре. Да что там говорить! Старики рассказывают, что в былые времена случались в январе-феврале особо холодные ночи, когда с неба падала замерзшая вода – снег, который покрывал улицы Палермо к утру ровным белым искристым покрывалом. К полудню снег обычно таял, но старики, которые были тогда мальчишками, по их словам, успевали затеять игру в снежки.

Кто-то даже хвастался, что катался по снегу с окрестных склонов на старых овечьих шкурах или привязав к башмакам особым образом оструганные клёпки из-под винных бочек. Но этим уже не верили. Сочиняют деды, понятное дело. Снежки, шкуры – ещё куда ни шло. Но клёпки на башмаки! Дураком нужно быть, чтобы в такое поверить.

Особенно сейчас, в октябре, когда тёплый воздух кристально ясен, и только солнце, значительно укоротившее свой дневной путь по небу, да убранные вокруг города поля, напоминают о том, что уже осень.

Самое время для войны.

С трёх сторон Палермо был окружён солдатами Маркварда фон Аннвайлера, немецкого рыцаря и герцога Равенны.

С моря город стерегли боевые галеры герцога. Было их всего три. Но каждая обладала сифонами для метания греческого огня, что и демонстрировала время от времени.

Вот и сейчас с носа головного корабля, стоящего на якоре ближе остальных, словно из пасти сказочного дракона, вырвался длинный огненный язык и угас, поглощённый морем.

– Ух ты, – сказал Фридрих. – Красиво. Зачем они это делают, учитель, если на них никто не нападает, и никто не пытается проскользнуть мимо? Тратят дорогой огневой ресурс.

Последние слова прозвучали рассудительно, совсем по-взрослому, так, что его спутник с интересом покосился на мальчика.

Фридрих Штауфен, сын Генриха VI и внук Фридриха I Барбароссы, вместе со своим учителем, *magister regis* Вильгельмом Французиусом, стоял на вершине главной башни крепости Кастелло-а-Маре и смотрел вниз, на акваторию порта Палермо. Отсюда открывался красивый вид на море, порт, город и его окрестности. Фридрих, которому через два месяца должно было исполниться семь лет, часто забирался сюда, чтобы полюбоваться своими формальными владениями и помечтать о настоящей власти.

Уж что-что, а мечтать королю Сицилии и законному наследнику Священной Римской империи никто запретить не мог.

Даже любимый учитель Вильгельм и сам папа Иннокентий Третий, которого мальчик никогда не видел, но уважал и боялся.

Или не боялся?

Однажды Фридрих поделился своими сомнениями по данному вопросу с учителем, и тот объяснил ему, что бояться главу всемогущей римской католической Церкви – это нормально. Но и возвращать в себе это чувство не стоит.

– Как это – возвращать?

– Питать его, поддерживать и всячески усиливать.

– Почему? – на самом деле Фридрих всё понял, но ему было интересно, что ответит учитель.

– Потому что страх перед Папой сродни страху божьему, – назидательно поднял палец Вильгельм. – Почему мы боимся Бога?

– Потому что Он велик и всемогущ, и человек полностью находится в его власти, – без запинки ответил мальчик.

– То есть, ключевое слово – власть. Так?

Фридрих задумался. Учитель ждал.

– Пожалуй, так и есть, – наконец ответил юный король Сицилии. – Но есть ещё любовь. Мы не только боимся Бога, но и любим его. Или хотя бы стараемся любить.

– Верно. Но и папу мы стараемся любить. Как всякий христианин всякого христианина. Однако папа при всем своем могуществе и непогрешимости – человек. Следовательно – что?

– Что? – спросил Фридрих. Ему показалось, что любимый учитель слегка запутался в своих рассуждениях.

– Всегда следует помнить, Ваше величество, что власть Папы, как и власть императора или короля – от Бога, – как ни в чем ни бывало продолжил Вильгельм. – А значит, они, как минимум, равнозначны. Но только я вам этого не говорил.

– Почему?

– Потому что, вы – король, а папа – ваш опекун и его опека заключается не только в вашей защите, воспитании и образовании, но и в сохранении ему вашей безусловной верности. Если папа узнает о нашем разговоре, вы можете лишиться своего учителя. Ни одна власть на свете не любит, когда ей противопоставляют другую. Но ни одна власть на свете, не должна слишком сильно бояться другую, такую же по силе. Если, конечно, она хочет остаться властью.

– Хорошо, – серьёзно ответил Фридрих. – Я запомню и никому об этом не скажу.

Мальчик сдержал слово, но понял для себя многое. Он вообще был сообразителен не по годам.

Вот и сейчас, не дожидаясь ответа учителя, он сделал верный вывод сам:

– Я знаю. Чтобы нас напугать. Всё тот же страх, как всегда. Страх, который правит миром.

– Да, мой король, – ответил Вильгельм. – Именно так, миром правит страх, вы быстро учитесь. Но мы не боимся, верно?

– Если не боишься ты, не боюсь и я, – ответил Фридрих.

Послышался стук сапог, и на крышу, тяжело дыша, выбрался граф Джентиле Манупелло. Изрядный лишний вес графа, кольчуга, шлем и длинный меч в ножнах, висящий на боку, мешали ему двигаться так же легко и непринуждённо, как ещё какой-то десяток лет назад.

– Прошу спуститься вниз, мой король, – преклонил он колено. – Чёртов Марквард фон Аннвайлер пошёл на приступ, и я боюсь, как бы шальной арбалетный болт или стрела... Не приведи Господь, – граф мелко перекрестился и поднялся, упираясь руками в колени.

– Благодарю за заботу, граф, – сказал Фридрих. – Пожалуй, вы правы. Делать мне здесь совершенно нечего, поскольку руководить обороной крепости я всё равно не могу.

– Разрешите напомнить, мой король, что крепостной ров вокруг Каstellо-а-Маре был вырыт по вашему приказу, а ведь вам тогда едва минуло четыре года! – склонил голову Манупелло.

– Напомнил, – сказал Фридрих. – Хвалю.

С этими словами, высоко подняв голову и не оборачиваясь, он направился к выходу с крыши. Учитель и граф молча последовали за ним.

...Когда к вечеру первого ноября передовые отряды Маркварда фон Аннвайлера ворвались в крепость, сопротивление фактически угасло. Гарнизон, дававший клятву верности противникам герцога – папе и канцлеру Вальтеру Палеарийскому, сложил оружие. Да и с чего бы ему сражаться и гибнуть, неизвестно за что? Солдаты гарнизона, в особенности ветераны, отлично знали расклад. Сегодня Его Святейшество Папа Иннокентий Третий призывает гнев Божий на голову Маркварда фон Аннвайлера и даже отлучает его от церкви, а завтра? Никто

не даст гарантии, что эти двое – папа и Марквард не споются, если это будет выгодно обоим, и объединятся против того же канцлера Вальтера Палеарийского. В том бардаке, который творится в славном королевстве Сицилия уже не первый год, всякое может быть.

Что до малолетнего короля Фридриха, то за его жизнь можно не опасаться. Последнему нищему бродяге в Палермо известно, что и для Папы, и для канцлера, и для герцога, и для всех остальных, кто ловит свою вкусную рыбку в мутной воде столкновений властных интересов, Фридрих нужен живым и здоровым.

Как символ, без которого любая власть будет считаться нелегитимной.

Что делать, так устроен мир, нужно подчиняться определённым правилам, если хочешь быть первым. Одной военной силы недостаточно.

К тому же граф Джентиле Манупелло, поставленный своим братом, канцлером Вальтером Палеарийским, защищать Палермо, крепость Каstellо-а-Маре и малолетнего короля Фридриха II, ещё вчера покинул крепость и город.

Якобы отправился в Мессину за недостающим провиантом.

Солдаты гарнизона не знали, плакать им или смеяться. За каким ещё, порка мадонна, к дьяволу и во имя всех святых, провиантом?! Провианта в крепости достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, минимум, две недели, а если слегка затянуть пояса, то и месяц.

Струсил граф.

Забздел, говоря по-солдатски.

Наложил в свои шикарные цветные штаны из китайского шёлка и решил свалить, прикрывшись сказкой о недостающем провианте. Маленькому королю напел в уши, что проскользнет ночью мимо боевых галер врага в маленькой лодчонке, на вёслах, обмотанных тряпками для бесшумности, а сам вышел из неприметной калитки в стене, предварительно через нужных людей отсыпав золота лично герцогу Маркварду фон Аннвайлеру.

И кто после этого предатель и клятвопреступник?

Так что нет дураков умирать, решил гарнизон и благоразумно сложил оружие.

– Будете жить, – милостиво кивнул герцог, шедший впереди ударного штурмового отряда. В отличие от графа Манупелло, пятидесятилетний Марквард фон Аннвайлер был опытным и смелым воякой, всегда готовым рискнуть жизнью ради стоящего дела. Например, для захвата власти над королевством Сицилия. – Где король?

– В своих покоях, – угрюмо ответил старый сержант с шрамом через всю правую щёку. Он знал, что жизни Фридриха ничего не угрожает, но ему всё равно было стыдно. Как себя ни уговаривай, а слова клятвы были произнесены. – Он не будет сопротивляться, мой господин. Пожалуйста, пощади его.

– Да уж тебя не спрошу! – захохотал герцог, подбоченившись. – Не ссы, сержант, всё будет нормально с мальчишкой, я не враг самому себе. Стража там есть?

– Никого, – помотал головой сержант. – С королём только его учитель.

– Это Вильгельм, что ли? – прищурился герцог. – Французус?

– Он.

– Десять человек со мной, – скомандовал герцог. – Остальным собрать оружие, запереть пленных, занять позиции на стенах, – он махнул рукой в латной перчатке. – Пошли!

Они вошли в королевские покои без стука, как хозяева и победители.

Правда, на этот раз Марквард фон Аннвайлер рисковать и лезть вперёд не стал, кивнул десятнику. Тот кивнул в ответ, взял на изготовку взведённый арбалет и скомандовал ближайшему солдату:

– Дверь!

Дюжий широкоплечий солдат прикрылся щитом и с размаха врезал по двери сапогом. Дверь распахнулась, и солдат, всё так же прикрываясь щитом, с обнажённым мечом в правой

руке шагнул внутрь. За ним, с арбалетом у плеча, скользнул десятник. Быстро оглядел помещение поверх прицела, опустил арбалет, повернулся к дверям.

– Чисто, мой господин. Здесь только мальчишка и его учитель.

– Я тебе не мальчишка, смерд! – вскочил на ноги Фридрих, сидевший до этого за книгой рядом с Вильгельмом. – Обращайся, как положено к своему королю! Иначе...

– Что – иначе? – засмеялся десятник. – Вы сделаете мне больно, Ваше величество?

– Сделаю! – крикнул Фридрих и бросился на обидчика.

Всё произошло так быстро, что никто ничего не успел понять.

Только десятник в последнее мгновение вскинул руку, защищаясь от скрюченных пальцев короля, которыми тот целил ему в глаза.

Фридрих повис на этой руке, словно пёс на медведе.

И тут же, подобно псу, вцепился в неё зубами.

– А-аа!! – заорал десятник. – Сука!!

Как назло, перед этим десятник снял кожаную защитную перчатку, в которой ему было жарко и которая, как он думал, ему уже не понадобится.

Ошибочно думал.

Марквард фон Аннвайлер захохотал.

– Так его, Ваше величество! – воскликнул он. – Так его, мой мальчик! Будет знать, как нужно разговаривать с особами королевской крови.

– Этот щенок мне до крови руку прокусил! – продолжал орать десятник. Он бросил арбалет и ухватил Фридриха за шиворот, стараясь оторвать от себя.

Арбалет упал на пол и выстрелил.

Тяжёлый стальной болт свистнул в воздухе и вонзился в полку на стене, рядом с головой Вильгельма, который продолжал неподвижно сидеть на своём месте. Учитель короля покоился на болт и перевёл глаза на Фридриха, который продолжая висеть на руке десятника, принялся изо-всех сил пинать его ногами, обутыми в кожаные остроносые туфли.

Марквард фон Аннвайлер пересёк комнату, пододвинул к себе тяжёлый дубовый стул, убрал меч в ножны, уселся и посоветовал:

– По яйцам, по яйцам, Ваше величество, чуть ниже... Вот так!

Пинок достиг цели.

– Твою... – выдохнул десятник и свалился на пол вместе с юным королём.

– Есть! – вскинул сжатый кулак герцог. – Bravo, мой король!

Мальчик вскочил на ноги. Его рот был испачкан в крови десятника, глаза бешено сверкали.

– Не подходи! – крикнул он, сжимая кулаки.

Десятник на четвереньках отполз в сторону и, кряхтя, поднялся.

Солдаты сочувственно отводили глаза.

Марквард фон Аннвайлер поднялся со стула.

– Не подходи! – опять крикнул Фридрих, содрал с себя куртку и рванул на груди белую шёлковую рубаху.

– Тихо, тихо, – насмешливо произнёс герцог. – Умерьте пыл, Ваше величество, всё уже закончилось.

– Всё закончится, когда я решу! – выпрямился юный король. После чего медленно, с усилием, провёл ногтями по груди. Сначала левой рукой, затем правой.

Шесть кровоточащих царапин крест-накрест прочертили королевскую грудь.

– Впечатляет, – сказал герцог уважительно. – Надеюсь, теперь всё?

Тяжело дыша, юный король не сводил с герцога яростного взгляда.

«Ух, змеёныш, – подумал Марквард фон Аннвайлер, – прямо насквозь прожигает...»

– А вы похожи на своего деда, Ваше величество, – сказал он добродушно. – Великий был человек!

– У меня было два деда, – буркнул Фридрих, остывая.

– Я имею в виду императора, конечно. Фридриха Первого, Барбароссу, – продолжил герцог – Глаза у вас те же. Пророчу вам великое будущее и надеюсь послужить вам так же верно, как служил вашему деду и отцу, – отклонил голову. – Во славу Божию.

– Те, кто хочет служить, просят об этом, а не приходят с обнажённым мечом, – сказал Фридрих. Мальчик стоял, подбоченясь, перед герцогом, словно гордая смелая мышь перед старым опытным котом. Рубашка разодрана, грудь расцарапана, губа закушена, непокорная прядь волос упала на глаза.

– Ваше величество, позвольте я позову врача, – подал голос учитель Вильгельм. – Ваша грудь...

– Пустяки, – нетерпеливо дернул головой Фридрих. – Потом. Лучше дай мне новую рубашку и помоги одеться.

– Вы ещё слишком юны, Ваше величество, – сказал Марквард фон Аннвайлер. – И не всегда можете отличить, кто вам друг, а кто враг. Мой обнажённый меч – это меч друга. Ваш опекун, Джентиле Манупелло, трусливо сбежал, бросив вас и своих солдат. Вы знали об этом?

– Он мне сообщил, что отправляется в Мессину, за провиантом...

– И вы, конечно, поверили.

Фридрих вопросительно посмотрел на Вильгельма.

– Увы, Ваше величество, это правда, – отвёл глаза учитель. – Провианта у нас достаточно. Я не хотел вас огорчать.

– Вот золото, которым он заплатил за то, чтобы я его выпустил из крепости и города, – герцог полез под кольчугу и бросил на стол кожаный мешочек. Мешочек солидно звякнул. – Это ваше золото, Ваше величество, заберите. Мне чужого не надо.

Король секунду раздумывал. Наконец, кивнул Вильгельму:

– Возьми. Будешь выдавать мне по первому требованию. Смешно, наконец-то у меня появились собственные деньги, – он закинул голову и неожиданно звонко, по-мальчишески, рассмеялся.

– Вам стоит лишь приказать, Ваше величество, и у вас будут деньги на всё необходимое, – сказал Марквард фон Аннвайлер уверенно. – Отныне, с вашего позволения, я буду вашим опекуном и не позволю, чтобы вы испытывали недостатка хоть в чём-то.

– И ты расскажешь мне, как служил моему деду и отцу? – спросил Фридрих, чьи глаза снова загорелись. Но уже другим, не злым огнём. – Про сражения и походы?

– Обязательно! Чёрт возьми, мне есть, что рассказать Вашему величеству, уж поверьте!

– Позвольте заметить, Ваше величество... – снова подал голос учитель.

– Не позволю. Где моя новая рубашка, Вильгельм? И позови уже врача, так и быть. Заодно можешь распорядиться насчёт ужина, я хочу есть, – Фридрих по-взрослому, с тенью горечи, усмехнулся. – Благо, продовольствия у нас достаточно. Предлагаю вам отужинать со мной, герцог, – обратился он к Маркварду фон Аннвайлеру. – Мне не терпится услышать ваши истории.

– Почту за честь, Ваше величество, – опять склонил голову герцог и подумал, что на этот раз завоевание Сицилии проходит для него, кажется, более успешно, чем когда бы то ни было.

«...фигуру короля ты можешь представить себе соответственно его возрасту, не меньше и не больше. Но природа наделила его выносливыми, сильными членами и крепким телом. Никогда не сидит на месте, весь день в движении. Чтобы проверить свою силу упражнениями, он тренируется и умеет обращаться уже со всеми видами оружия. Вот оружие в его руке, вот он взмахивает мечом, которым владеет лучше всего... Натягивать лук и попадать в цель копьем он выучился благодаря долгим тренировкам. Отборные, быстрые скакуны – его друзья. Никто не

сравнится с королем во владении уздой и шпорами. Весь день до наступления ночи он упражняется то с одним, то с другим оружием, а также посвящает еще несколько часов чтению и трудам по истории».

Вильгельм Французиус отложил перо, встал и подошёл к окну, за которым царила ночь и бесновался холодный февральский ветер. Неровное, грубой выделки стекло, вставленное в частый свинцовый переплёт, отразило огонь свечей и постаревшее лицо *magister regis* с тёмными кругами под глазами, дряблыми щеками и лбом, перерезанным глубокими морщинами. Ещё и зубы, чтоб им. Так не видно, но он точно знал, что их осталось всего четырнадцать. Шесть сверху и восемь снизу. Два из которых уже начинают болеть и, значит, недалёк тот час, когда с ними придётся расстаться.

Вильгельм зябко повёл плечами. Старость близко. Старость. И ничего с этим не поделаешь. Еще каких-то пять лет назад, когда ныне покойный Марквард фон Аннвайлер практически без боя взял Палермо и на короткое время стал фактическим правителем Сицилии, королевский учитель был вполне способен соблазнить не слишком привередливую молодую вдову-горожанку из тех, кто потерял мужа в одной из бесконечных вооружённых стычек, которые прокатывались по острову и всей южной Италии так часто, что люди давно потеряли им счёт.

Соблазнить на одном кураже и провести с ней одну-две, а то и больше приятных ночей.

А теперь?

Только за деньги, и то не всякая соглашается. Да и он потерял былую охоту и прыть. Ужин посытнее, вино послаще, огонь в камине жарче – вот и все страсти. Даже любимые книги уже не столь желанны. Старые читаны-перечитаны, а новые кажутся в лучшем случае скучными, а в худшем просто глупыми. Эх, ладно. Как бы то ни было, а король скоро достигнет совершеннолетия, получит настоящую власть и тогда не забудет своего учителя. То есть, Вильгельм очень надеется, что не забудет. Во всяком случае, Фридрих не раз обещал ему достойную пенсию, когда придёт время. А свои обещания король старается выполнять, следует отдать ему должное. Хоть и не всегда у него это получается. Уж больно пылок. Ничего, повзрослеет – войдёт в холодный разум, иного пути для него нет.

Вильгельм вернулся к столу, долил в серебряный бокал подслащённой мятной воды, сделал большой глоток, уселся, обмакнул перо в чернильницу и продолжил письмо старому другу.

«Его поведение выдает королевское происхождение, а выражение лица и властная величественность явно принадлежат повелителю. Его высокий лоб и добрые блестящие глаза привлекают взоры гостей, люди ищут его взгляда. Пламенный, остроумный и понятливый, он ведет себя несколько неблагопристойно, но это исходит не из его природы, а скорее является следствием общения с грубыми людьми. Меж тем его королевские манеры и благая склонность к доброте постепенно избавят его от всего дурного. Во всяком случае, он не переносит указаний и во всем полагается на собственную голову. Насколько можно видеть, ему кажется позором то, что он обязан подчиняться опекуну и быть мальчишкой, а не королем. Поэтому он всячески избегает любого надзора со стороны опекуна и часто переходит границы того, что подобает королю (отчего, конечно, весьма страдает его репутация).

Благодаря своему усердию он развит не по годам и обладает такой мудростью, которая приобретается зрелым мужчиной в течение многих лет. Не стоит считать годы его жизни и ждать дня его совершеннолетия, потому как он есть владыка по величию и муж по разумению...»⁹

– Вы не можете этого делать, Ваше величество. Мне очень жаль, поверьте, но не можете.

Его Святейшество Папа Иннокентий Третий протянул руку, взял со стола золотой кубок, отпил вина и поставил кубок на место. Солнечный луч упал на массивный золотой перстень

---

⁹ Из книги Бруно Глогера «Император, бог и дьявол: Фридрих II Гогенштауфен в истории и сказаниях».

с рубином, украшавший безымянный палец правой руки Его Святейшества, и Фридриху на мгновение показалось, что палец вспыхнул алым недобрым огнём.

– Но Беневентский договор даёт мне на это право, – упрямо произнёс он.

Их было двое в комнате. Четырнадцатилетний король Сицилии Фридрих Второй и могущественный глава католической Церкви сорокавосемилетний папа Иннокентий Третий.

«Как быстро бежит время», – думал папа, исподволь разглядывая Фридриха.

Тот сидел напротив, выпрямившись и положив руки на подлокотники деревянного кресла с высокой спинкой – точно такого же, в котором устроился папа. Только папа сидел расслабленно, поигрывая пальцами правой руки на столе (упрямый солнечный луч, то вспыхивал, то гас в рубине перстня) и даже позволил себе забросить ногу за ногу, а Фридрих был напряжён и готов к бою.

«Кажется, только вчера мы с его матерью обсуждали будущее этого мальчика, стараясь учесть все интересы, и вот, пожалуйста, мальчик вырос и предъявляет свои права на королевскую власть. Ничего плохого в этом нет, на то он и король, было бы хуже вырасти он безвольной игрушкой в чужих руках. Пусть даже и моих. Но границы следует соблюдать. Даже королю. Вернее, в особенности королю».

– Известно ли вам, Ваше величество, правило, согласно которому юридическую силу имеет лишь последний по времени документ, если он отменяет или дополняет предыдущий, на ту же тему? – Его Святейшество знал, что Фридрих великолепно образован для своих лет, но всё-таки делал скидку на возраст собеседника и старался говорить проще.

– Разумеется, – кивнул Фридрих. – Это логично.

– Вот именно, – сказал папа. – Логично! Отличная характеристика. Будь иначе, в делах наступил бы полнейший хаос. Отсюда следующий вопрос. Вы знаете, когда был заключён Беневентский договор?

– Не зная этого, не стал бы его упоминать, – сказал Фридрих. – В одна тысяча сто пятьдесят шестом году. Восемнадцатого июня, если быть совсем точным.

– Совершенно верно! – воскликнул папа. – И согласно этому договору, король Сицилии действительно получал право назначать епископов на освободившиеся места. Так что, на первый взгляд, ваша попытка воспользоваться данным правом и повлиять на выборы архиепископа Палермо имеет под собой все основания. Но! – он поднял указательный палец. – Вы забыли или не знали, что в одна тысяча сто девяносто восьмом году ваша матушка, Констанция Сицилийская, императрица Священной Римской империи, подписала конкордат, согласно которому, в числе прочего, право утверждения епископов и архиепископов возвращается главе нашей Святой Римско-католической Церкви, – Его Святейшество перекрестился. – В данном случае вашему покорному слуге.

– Я знал про конкордат, – нахмурился Фридрих. – В нём матушка назначила вас моим опекуном и покровителем до моего совершеннолетия. Но... – он нахмурился ещё больше, покосился на точно такой же как у Папы золотой кубок, стоящий рядом с ним на столе, и отвёл глаза.

С одной стороны, ему хотелось небрежно отпить вина, чтобы продемонстрировать опекуну свою независимость. С другой, что-то мешало. Нет, не возраст и тем более не скромность. Плевал он и на первое, и на второе. А вот мысль о том, что папа легко догадается, зачем он это сделал – да, мешало. При его-то проницательности! Выглядеть малолетним глупцом не хотелось. Ни выглядеть, ни, тем более, быть таковым. Так что обойдёмся без демонстративных жестов. Сдержанность, терпение, внимание. Побеждает тот, кто умеет выжидать. Столько, сколько нужно. Так учил его покойный герцог Марквард фон Аннвайлер, и был прав.

– Но не знали, что в нём есть и такой пункт, – мягко закончил Его Святейшество. – Подозреваю даже, что вы не читали конкордат, вам о нём только рассказывали.

– Так и есть, – глухо произнёс Фридрих. От взора Папы не укрылось, как пальцы юного короля на мгновение сжались в кулаки и снова разжались.

– В будущем вам следует тщательнее выбирать советников и советчиков, – заметил Иннокентий. – Не стоит держать при себе тех, чьим словам нельзя полностью доверять. Разумеется, моим словам, вы можете доверять всегда. Но я и не ваш приближённый, – папа позволил себе улыбнуться.

– Я запомню этот совет, – кивнул Фридрих. – Прошу прощения, Ваше Святейшество, я был не прав.

– Пустяки! – махнул рукой Иннокентий. – Я отношусь к вам по-отечески, как к собственному сыну, а у сына всегда есть право на ошибку. Давайте лучше обсудим ваше ближайшее будущее.

– Например? – совсем по-взрослому приподнял брови Фридрих. Вот теперь он позволил себе взять кубок и сделать небрежный глоток вина.

– Что вы скажете насчёт женитьбы, Ваше величество? – папа тоже взял кубок и сделал глоток.

Фридрих чуть не поперхнулся. Но справился с собой и медленно поставил кубок на место.

– Женитьбы?!

– Да, женитьбы. У меня есть для вас замечательная невеста. Красивая и, главное, весьма опытная во всех смыслах женщина. Она станет вам отличной женой. Принцесса Констанция Арагонская. Слышали о ней?

– Подождите... Вдова венгерского короля Имре?

– Она самая, – склонил голову папа.

– Но...

– Да, она старше вас на пятнадцать лет, была замужем, уже рожала, потеряла и мужа, и сына. Но именно это гарантирует вам ее абсолютную преданность и, не побоюсь сказать, море любовных удовольствий, чего с трудом можно ожидать от ровесницы.

Фридрих почувствовал, что краснеет.

– К-как это? – выдавил он из себя.

– Очень просто. Вы молоды и неопытны в постели, а она научит вас всему, что должен знать и уметь мужчина в отношениях с женщиной, да еще, уверен, родит вам прекрасного наследника. Принцесса Констанция находится в расцвете красоты, здорова, у неё хорошие зубы и волосы, высокая грудь и широкие бёдра. Отличная нежная кожа. Поверьте, вы не пожалеете. И это я ещё не сообщил главного.

Фридрих молча ждал. Он уже представил себе эту взрослую красивую женщину с высокой грудью и широкими бёдрами в постели рядом с собой, и теперь беспокоился только о том, чтобы папа не услышал, как бешено грохочет его сердце.

– Пятьсот отборных немецких рыцарей, – веско сказал папа. – Полтысячи лучших в мире воинов, отлично вооружённых, прошедших не одно сражение и готовых повиноваться любому вашему приказу. Как вам? Это, не считая богатого приданого.

Греховные образы немедленно испарились из головы юного короля (они вернуться, они обязательно вернуться, но не сейчас – ночью, когда он ляжет спать и останется совершенно один).

Их место заняли стройные железные ряды воинов.

Пятьсот рыцарей!

Это была сила. С ними он, пожалуй, смог бы...

– С такой воинской силой, – словно прочитав его мысли произнёс папа, – вы сможете навести порядок в своём королевстве и достойно наказать тех, кто ныне чувствует себя безнаказанным, – он принялся загибать пальцы. – Мятежные бароны – раз, горные сарацины –

два, всякий сброд, сбившийся в разбойничьи шайки – три... Я могу продолжать, но, думаю, достаточно. Они даже мне, духовному лицу, надоели, а уж, вам... А?

– Да, – глухо подтвердил Фридрих. – Надоели.

– Что ж, вот и возможность избавиться от них! Заодно и научитесь воевать и побеждать. Королю это необходимо. Ну так что, Ваше величество, согласны? Напоминаю ещё раз, что моим словам и советам вы можете доверять полностью.

Фридрих задумался. На самом деле он уже всё решил, но соглашаться так быстро было неприлично. Во всяком случае, он считал, что это неприлично.

Папа ждал. На его губах играла лёгкая приятная улыбка. Улыбка человека, который всё понимает.

– Я согласен, – наконец, сказал король. – Передайте моей невесте, что я согласен и жду её вместе с пятью сотнями рыцарей как можно скорее.

– Отлично! – воскликнул папа. – Просто отлично, Ваше величество! Обещаю, вы не пожалеете. Давайте за это выпьем.

Он поднял кубок и отсалютовал Фридриху. Фридрих сделал то же самое. Папа и король отпили вина, глядя друг другу в глаза. Каждый думал, что день удался.

Глава пятая

Великому князю не спалось. В открытое окно опочивальни вливался ночной летний воздух, полный луговых и лесных запахов. К ним примешивалась едва заметная струя от выгребной ямы, расположенной на заднем дворе.

Так вот ты какая, ложка дёгтя в бочке мёда, подумал князь. Надо бы утром не забыть вставить дворне, чтобы мух ловить перестали, а говно вовремя вычерпывали, как положено. Кому расскажи, что на заднем дворе великого князя воняет, – засмеют. Интересно, у Константина тоже дворня нерадивая?

При мысли о старшем брате настроение привычно испортилось. Константин был учёней Юрия, свободно владел многими языками, и Юрий знал, что кое-кто считает первенца Всеволода Большое Гнездо умнее его. Умнее и достойнее быть великим князем.

А я и не напрашивался, сердито подумал Юрий. Отец так решил. Кто мы такие, чтобы противиться его воле? Так что хрен тебе, брат Костян, а не стол во Владимире. Любишь свой Ростов и сиди там.

Он пошевелился, меняя позу.

– Да пошли ты к нему соглядатаев и успокойся, – сонно пробормотала жена Агафья, сладко посапывавшая до этого на груди князя.

Они обвенчались год назад. Здесь, во Владимире, в Успенском соборе. Дочь Всеволода Святославича Черного, князя черниговского и великого князя киевского стала Юрию Всеволодовичу хорошей женой. Иногда ему казалось, что жена читает его мысли. Даже шутил по этому поводу, уж не ведьма ли она.

– У нас в Киеве все бабы ведьмы, – отвечала Агафья неизменно. – Али не знал? А уж коли они наполовину польки, как я, то, считай, пропал муженёк с головой и всем прочим.

– Разве польки ведьмы?

– Нет, просто мы красивые, – смеялась жена. – Это ещё хуже. Или лучше. Как сказать.

Вот и сейчас. Она же спала!

– Каких соглядатаев? – промолвил он. – К кому?

– Ой, а то не знаешь, – Агафья открыла глаза, погладила его по щеке. – К брату твоему, Константину, в Ростов. Пусть разведают, о чём думает и чего замышляет.

– Кого ж я пошлю? – совет был хорош, но уж больно внезапен. Как ошалевший заяц в лесу из-за куста.

– Да вот мальчишек этих и пошли, которые к тебе намедни явились в дружину проситься, в лазутчики. Соглядатай – тот же лазутчик. Только умнее и хитрее. Видела я этого Алёшку, вожака их. Ловок, ловок. Глаз яр, язык востёр, смекалист, быстр, на ходу подмётки рвёт. Должен справиться. А не справится – туда и дорога, другие найдутся, на княжью службу всяк рвётся устроиться... – речь Агафьи замедлилась и в следующую секунду она уже спала. Сладко посапывая.

С толком жениться – большая удача, подумал князь. Эх, во всём бы так.

Он обнял жену, смежил веки и очень скоро уплыл в сон вслед за Агафьей.

– Кто? – Князь Константин недовольно оторвался от рукописи.

Всем иным занятиям старший сын Всеволода Большое Гнездо предпочитал занятия книжные, черпая в них знания, мудрость и удовольствие. Слава о библиотеке, которая имела у князя, шла по всей Руси. Среди тех, кто понимал в этом толк, знамо дело. Баяли, что одних греческих книг Константин Всеволодович собрал целую тысячу. Привирали. Всего-то девять сотен без малого. Но зато какие! Были среди них даже труды самого Платона и его великого ученика Аристотеля. Не говоря уже о бесценных сочинениях древних византийцев:

Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, преподобных Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина и других.

Вот и сейчас перед ним лежал труд Иоанна Златоуста «Против иудеев», открытый на Слове третьем.

«Что, кажется, могущественнее государства, у которого есть и денежные доходы, и оружие, и стены, и крепости, и огромное войско, и конница, и бесчисленное множество других средств, увеличивающих его силу? Однако же, если в нем возникнет междоусобие, вся эта сила сокрушается: ибо ничто так не ослабляет, как ссоры и распри, и напротив, ничто столько не усиливает и не укрепляет, как любовь и согласие. Сознавая это, и Соломон говорил: «Брат от брата вспомоществуемый – как город крепкий и высокий, и силен, как прочное царство» – прочитал князь по-гречески и уставился невидящим взглядом в книгу.

Ах, как верно. Верно! Как будто оттуда, из восьмисотлетней глубины, заглянул святитель на теперешнюю Русь и написал эти слова. Да не просто на Русь, а прямо в сердца каждому из князей русских. А в его, Константина сердце, в особенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.